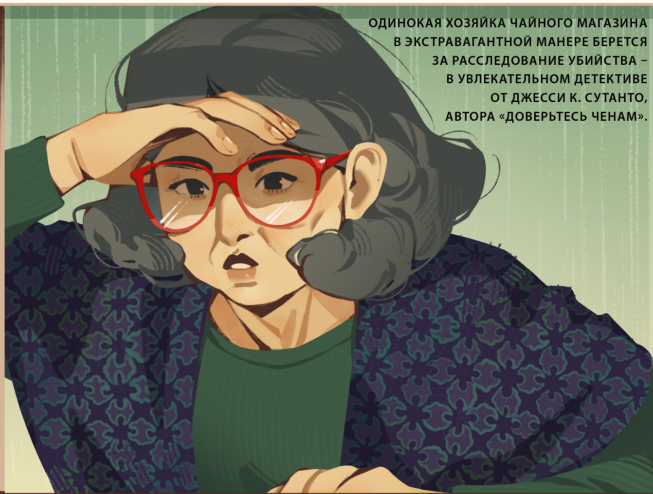

ДЖЕССИ К. СУТАНТО

НЕПРОЩЕННЫЕ СОВЕТЫ ВЕРЫ ВОНГ

ОДИНОКАЯ ХОЗЯЙКА ЧАЙНОГО МАГАЗИНА
В ЭКСТРАВАГАНТНОЙ МАНЕРЕ БЕРЕТСЯ
ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВА –
В УВЛЕКАТЕЛЬНОМ ДЕТЕКТИВЕ
ОТ ДЖЕССИ К. СУТАНТО,
АВТОРА «ДОВЕРЬТЕСЬ ЧЕНАМ».

Джесси К. Сутанто

Непрошенные советы Веры Вонг

Серия «AsianRomance»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70063192

Непрошенные советы Веры Вонг: роман / Джесси К. Сутанто; пер.

с англ. Расима Прокурова: АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-154694-6

Аннотация

Вера Вонг, одинокая старушка, проживает над своей чайной лавкой в центре Китайского квартала. Хотя она и живет одна, ей ничуть не одиноко. Для нее нет занятия более приятного, чем потягивать улун и следить в интернете за жизнью сына.

Как-то утром Вера спускается вниз, и ей открывается прелюбопытное зрелище: посреди ее лавки лежит мертвый мужчина. В его руке – флешка. Вера, вызвав полицию, стягивает флешку из руки покойника.

Зачем? Потому что она уверена, что полиция вряд ли сравнится в раскрытии преступления с мнительной китайкой, у которой уйма свободного времени. Вера знает, что убийца вернется за флешкой. Ей только и остается, наблюдать за покупателями и высматривать среди них преступника.

Неожиданно для себя Вера заводит с покупателями дружбу и начинает переживать за каждого из них. Но не придется

ли ей в конечном счете выдать полиции одного из своих свежесобранных цыплят?

Содержание

1	7
2	17
3	27
4	39
5	53
6	65
7	75
8	84
9	93
10	101
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Джесси К. Сутанто

Непрошенные советы Веры Вонг

Маме, истинной Вере

Jesse Q. Sutanto

**VERA WONG'S UNSOLICITED ADVICE FOR
MURDERERS**

Печатается с разрешения

Jill Grinberg Literary Management, LLC

and The Van Lear Agency LLC. All rights reserved.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© 2023 by PT Karya Nippo Makmur

© Елена Солодовникова, иллюстрация на обложку

© Расим Прокуров, перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

1

Вера

Вера Вонг Чжучжу родилась свиньей, хотя в действительности больше походила на петуха. По китайскому гороскопу, конечно же. Вера Вонг, по счастью, женщина шестидесяти лет, и все же никакому петуху с ней не сравниться. Каждое утро, ровно в половине пятого, ее веки поднимаются, точно жалюзи, после чего туловище принимает вертикальное положение. Лениво сползать с постели – это не для Веры, однако стоит признать, что с некоторых пор подъем стал со-

провождаться щелканьем и похрустыванием суставов. Далее она лихо опускает ноги в махровых носках на пол и попадает точно в тапочки, которые с армейской точностью поставила около кровати еще накануне вечером. Затем несколько мгновений уходит на то, чтобы отправить сыну сообщение с напоминанием, что он проспит всю жизнь и должен был встать раньше. В конце концов, он молодой мужчина, которому предстоит завоевать весь мир. А по утрам, как уверена Вера, долго спят лишь маленькие дети и европейцы.

Быстро умывшись, Вера облачается в свою утреннюю форму: поло с логотипом Ральфа Лорена такого размера, что он целиком закрывает ее левую грудь (вернее, верхнюю половину левой груди, спасибо времени и гравитации) и спортивные брюки. Нарукавники она натягивает таким образом, чтобы между рукавами поло и краями манжет не осталось ни малейшего зазора, оголяющего кожу. Много лет назад, будучи молодой и дерзкой, Вера никогда не следила за этим зазором, и нередко на предплечьях появлялась полоска загара. Конечно, то были безумные деньки, когда Вера жила, не оглядываясь на риски и опасности.

Приладив манжеты, Вера кивает своему отражению и шагает на кухню, где выпивает пинту воды комнатной температуры, так как холодная вода, по убеждению Веры, может заморозить жиры в артериях и привести к сердечным заболеваниям. У дверей Вера надевает ортопедические кроссовки, солнцезащитные очки в черепаховой оправе, а в довер-

шение, вероятно, самый важный предмет одежды – козырек, до того широкий, что отсекает все солнечные лучи, оберегая лицо от появления веснушек и морщин. Затем, не оглядываясь, Вера выходит в мир.

И все это без единого звонка будильника. В самом деле, Вере следовало бы родиться Петухом, но нет, она Свинья. И, вероятно, с этого и начались все беды.

* * *

Согласно китайскому гороскопу Свиньи трудолюбивы, отзывчивы и всегда готовы помочь мудрым советом. К сожалению, редко кто просит у Веры доброго совета. Или даже не вполне доброго. А единственный, кому бы следовало постоянно обращаться к ней за советом, – родной сын Тилберт – этого никогда не делает. И Вера никак не возьмет в толк почему. Когда ее родители были живы, она часто приходила к ним за советом, даже если не нуждалась в нем, потому что, в отличие от сына, воспитывалась по принципу китайской добродетели¹ и знала, что, обращаясь к родителям за советом, давала им почувствовать себя нужными. Ничего, Вера

¹ Один из главных принципов воспитания детей в Китае. Заключается в том, что дети должны уважать старших. Даже будучи взрослыми, китайцы очень ценят мнение родителей. Это касается буквально всего – от поиска работы до выбора спутника жизни. Уважение к старшим прививается с младенчества, о нем говорят в школе, пропагандируют через СМИ.

заботливая мать и приложит все силы, чтобы Тилли получил все необходимые в жизни советы. Она шлет ему сообщения примерно такого содержания:

Отправлено вчера в 4.31

Тилли, ты проснулся? Уже 4.31, очень поздно. В твоём возрасте я вставала в 4 каждое утро, чтобы приготовить завтрак для папы и мамы. Чи лаи!² Лови момент! Carpe diem! Целую, Мама.

Отправлено вчера в 19.45

Тилли, я заметила, что эта девушка @NotChloeBennet лайкнула ДВА твоих видео в «ТикТоке»! Думаю, ты ей нравишься. Я посмотрела её профиль, и она слишком много дует губы, но, думаю, будет хорошей женой. На прошлой неделе она ходила с мамой на маникюр, значит, она хорошая дочь. Думаю, тебе нужно постучаться к ней в директ. Целую, Мама.

Вере особенно понравилось «постучаться к ней в директ», потому что она старается следить за трендами и не отставать от молодого поколения. Всякий раз, столкнувшись с непонятным выражением, она ищет его в Google и записывает значение в свой маленький блокнот.

² Подъем! (кит.)

Отправлено вчера в 17.01

Тилли, сейчас 17.00, надеюсь, ты поужинал. Твой дядюшка Лиин ужинал в 19 часов каждый вечер и не дожид до тридцати. Лучшие поужинай сейчас же. Целую, Мама.

На этот раз Тилли ответил.

Тилли: *Дядюшка Лиин попал под автобус. И я просил не называть меня Тилли. Берт лучше.*

Вера: *Не перечь старшим. Я не так тебя воспитывала. И что не так с Тилли? Хорошее имя, мы с папой долго и усердно думали, как тебя назвать, ты должен это ценить.*

Тилли снова замолчал. Ну да ладно. Сейчас ей не до упрямого сына. Вера готова приступить к утренней ходьбе, а утренняя ходьба – дело нешуточное. Многие в ее возрасте сетуют на дубовые связки и негнущиеся суставы, но Вера садится на корточки без особых трудностей и может в наклоне дотянуться кончиками пальцев до кроссовок. Подростком Тилли наблюдал за ее разминкой в крайнем смятении и умолял делать это хотя бы дома, а не у всех на виду. Но правильная разминка возможна только на свежем воздухе, и вообще, Тилли следовало бы гордиться тем, что его мать подает такой хороший пример соседям.

Как следует разогrevшись, Вера принимает исходную по-

зицию для ходьбы: подбородок вверх, грудь вперед, локти перпендикулярно туловищу. Затем она пускается шагом, рассекая кулаками воздух с энтузиазмом северокорейского солдата на параде. Утреннюю прогулку Веры можно назвать не иначе как энергичной. Она как генерал на тропе войны, безжалостно подминающий под себя мили. Каждый, кому хватает глупости оказаться у нее на пути, натывается на ее обжигающий взгляд (неразличимый под темными очками и козырьком), но Вере нравится лавировать между прохожими, поскольку это дает возможность испытать свою ловкость и скорость рефлексов.

В прошлый день рождения Тилли подарил ей умные часы, которые умеют отсчитывать шаги, но Вера не видит в этом пользы. Она и так знает в точности, сколько шагов составляет ее прогулочный маршрут от дома на пересечения Трентон и Пасифик и далее по Вашингтон, где готовятся к открытию бакалейные и сувенирные лавки: 3112 шагов. Некоторые из владельцев машут ей и здороваются, но все знают, что Вера не сможет остановиться поболтать, только не во время утренней прогулки. Однако Вера наделена безупречными манерами и поэтому на ходу выкрикивает любезности, вроде «Неплохие арбузы, мистер Гонг!» или «Наконец-то погода наладилась, сестра Жао!».

На Вашингтон она чуть сбавляет шаг перед кафе, которое возникло здесь, как прыщ, два года назад. Его открыл невоспитанный миллениал, который даже не проживает в Чайна-

тауне. Всякий раз, когда проходит мимо, Вера кривит губы в усмешке и про себя прокликает кафе. Само название действует ей на нервы. «Кафе». Можно представить, какая неразбериха творится в головах посетителей. *Ну что, куда сходим? В «Кафе». Да, но в какое? В «Кафе»! В КАКОЕ?* Логично, что с таким названием любое кафе давно закрылось бы. Но нет, вопреки законам логики, оно не только не закрылось, но и процветает, воруя клиентов у ближайших заведений. Частенько, когда Вера сидит в своем тихом чайном магазине, мысли о «Кафе» просто отравляют ее чудесный чай. Воистину, «Кафе» с его жутко нездоровым напитком – кофе, бр-р – это проклятье для жителей Сан-Франциско. Нет, для всего человечества.

Перед Дрэгон-Гейт, что на Буш-стрит, Вера поворачивает и шагает по Стоктон-стрит до Во-Хэй-Юэнь, где как раз начинается свое занятие группа по тай-чи. Ее муж, Цзиньлон, приходил сюда каждое утро, пока с ним не случился инсульт. Он часто призывал ее присоединиться к ним, но Вера не видела смысла в тай-чи. Слишком медленно, чтобы нести большую пользу. Эффекта примерно столько же, сколько от йоги, то есть почти никакого. Всякий раз, когда Цзиньлон заканчивал сеанс тай-чи, Вера проверяла его пульс, и число ударов ни разу не превысило восьмидесяти. Какой в этом прок? И все же, шагая вдоль Во-Хэй-Юэнь, она машет группе и старается не замечать, как щемит в сердце оттого, что среди медленных людей нет Цзиньлона. Глупая женщина, конечно,

Цзиньлона там нет, он в серебряной урне в гостиной, и хватит об этом.

Первым делом после прогулки Вера прижимает большой палец к запястью и отсчитывает пульс. Насчитав внушительные девяносто два удара, усталая и довольная, она входит в свой магазин, пересекает погруженный в полумрак зал и поднимается к себе домой. После бодрящего холодного душа съедает сбалансированный завтрак из конджи, столетних яиц³ и ферментированного тофу. И наконец Вера спускается вниз и хлопочет, приводя в порядок зал, чтобы подготовить магазин к открытию.

Подростком Тилли любил указывать на ошибку в названии «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг».

– Прежде всего, о нем никто не знает, так что не такой уж он и «всемирно известный», – сказал он как-то, закатывая глаза.

Вера цокнул языком, но Цзиньлон опередил ее.

– Не совсем так, в Китае твоя мать была известна своими чаями. Многие приезжали издалека, только чтобы попробовать ее чай.

– Мхм, – Тилли это явно не убедило, и он зашел с другой стороны. – А почему он называется магазин Веры Ванг? Ты же Вера Вонг.

– А, – протянул Цзиньлон, с восхищением глядя на Веру.

³ Популярное блюдо китайской кухни, яйцо, выдержанное несколько месяцев в специальной щелочной смеси без доступа воздуха.

Это потому, что твоя мать очень умная и находчивая. Вера Ванг – очень известная женщина, даже белым людям известно это имя. И твоя мать сказала, что будет хорошо назвать магазин в ее честь.

– Это называется введением в заблуждение, папа, – фыркнул Тилли. – Вас могли бы засудить! – И затем добавил крайне язвительно: – Если бы кто-нибудь знал об этом магазине. Но раз уж никто не знает о его существовании, то какая разница.

Цзиньлон лишь рассмеялся и похлопал сына по спине.

– Ох, сынок, ты столько всего знаешь про законы. Может, тебе выучиться на юриста, а?

Все казалось таким простым, когда между Верой и Тилли было звено в лице Цзиньлона. После его смерти отношения матери и сына медленно, но неумолимо сошли на нет. Тилли действительно поступил на юридический факультет. Теперь он младший юрисконсульт в крупной юридической фирме неподалеку от Эмбаркадеро, и его офис так высоко, что вечерами видно, как мигают огни машин на Бэй-Бридж. Не то чтобы Вера знает это – Тилли не приводил ее к себе на работу, – но ей нравится представлять, что видит сын из окна своего офиса.

«Хватит думать о Тилли», – одергивает себя Вера, снимая со стола последний стул. Она подходит к двери и меняет табличку с «ЗАКРЫТО» на «ОТКРЫТО», после чего идет за стойку и водружается на стул в ожидании посетителей.

«Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг» готов к работе.

2

Вера

По правде сказать, Тилли был не так уж далек от истины, когда указывал, что называть чайный магазин «всемирно известным» несколько самонадеянно. Это правда, что в Гуаньчжоу Вера держала магазин, который пользовался успехом как среди постоянных посетителей, так и среди приезжих, наслышанных о ее чаях.

Но в Сан-Франциско, штат Калифорния, ей пришлось начинать все с нуля. В лучшие годы «Всемирно известный чай-

ный магазин Веры Ванг» привлекал изрядную долю постоянных покупателей даже несмотря на то, что ютился между прачечной «Удачная стирка» и «Кондитерской Винифред». Но клиентскую базу составляли в основном пожилые иммигранты, и с течением лет от большого потока остался ручеек, затем тонкая струйка, и теперь единственный посетитель, на которого может рассчитывать Вера, – это Алекс.

В это утро, как и в любое другое, Вера достает из комода журнал учета и бросает его на стойку. Затем надевает очки для чтения и перечитывает записи, приподнимая брови, чтобы разобрать мелкий почерк.

23 мая – горлянка, сушеная кожура арбуза, ягоды годжи

22 мая – лоу хан го, элитное птичье гнездо⁴, сахар-кандис

*21 мая – обожженный ячмень, хризантема, засахаренная
кожура зимней тыквы*

20 мая – соцветия османтуса, улун

Вера чуть улыбается, просматривая перечень смесей, подготовленных для своего лучшего покупателя. Ему особенно понравился жженный ячмень, и неудивительно, ведь нотки дыма прекрасно сочетаются с ванильным ароматом хризантемы и сладостью засахаренной тыквенной кожуры. Что

⁴ Деликатес Юго-Восточной Азии. Традиционно гнезда стрижей-саланганов используются в кулинарии, но в Китае и Вьетнаме из них также готовят чайный напиток.

бы приготовить на сегодня? Вера снимает очки и встает со стула. Оглядывает шкаф за стойкой.

Чайный шкаф Веры – это нечто удивительное. В нем сто восемьдесят восемь выдвижных ящичков, заполненных качественными ингредиентами, собранными на росистых взгорьях Китая. Правда, как однажды заметил Тилли в своей раздражающей манере, многие из этих ингредиентов не использовались годами и, скорее всего, испортились. Вера и сама готова признать, что тяньчи, вероятно, давно утратил былую свежесть и его пора выбросить, как и десятка два других смесей, которые она не проверяла уже целую вечность. Впрочем, это подождет до генеральной весенней уборки в ее волшебных ящичках. Просто от недостатка посетителей ей не приходилось даже задумываться об ингредиентах, о которых никто не спрашивал.

Итак, к делам насущным. Вера потирает подбородок в раздумье, затем взбирается по маленькой стремянке и выдвигает нужный ящичек. Унаби, также известные как китайские финики. Их чуть сладковатый аромат прекрасно сочетается с... ох, и о чем она только думает? Унаби такие горячие⁵, а у Алекса избыток ян, он от природы излишне горяч. Значит, не стоит давать ему унаби, каким бы чудесным ни был их аромат. Вера слезает со стремянки и поворачивается к лотку на стойке, где собраны два десятка наиболее попу-

⁵ ** В традиционной китайской медицине все продукты делятся на «холодные», «прохладные», «теплые» и «горячие».

лярных ингредиентов. Да, точно, она купила пару дней назад большой пакет бобов мунг в магазине миссис Онг. Вот это уже лучше. Вера набирает мелких бобов изумрудного цвета и сыпает на традиционные китайские весы. Глядя с прищуром, как Шайна из второго сезона «Слепой любви», она подбирает идеальную порцию для Алекса и его бедолажной жены, Лили. Отвесив нужное количество, Вера насыпает бобы в сетчатый мешочек, после чего добавляет два кусочка сахара и щепотку листьев пандана и затягивает узелок. Готово. Алексу останется лишь окунуть мешочек в кипящую воду на пятнадцать минут и наслаждаться вместе с Лили чудесным, полезным напитком, охлаждающим его ян.

Словно по будильнику, звонит колокольчик над входной дверью, и появляется Алекс. Этот звук всегда вызывает у Веры улыбку. Ей нравится Алекс, последний джентльмен в их округе.

– Ни-хао⁶, Алекс, – здоровается она.

– Жао ан хао⁷, – отзывается Алекс.

На его губах привычная усталая улыбка. Он плетется к своему излюбленному столику возле окна.

– Как твои дела? Как всегда? – спрашивает Вера на мандаринском.

Попутно она наполняет пузатый чайник и ставит на огонь. Алекс всегда рад прихватить домой ее особые травяные чаи,

⁶ * Здравствуй (кит.).

⁷ Доброе утро (кит.).

но никогда не отказывается и от своей утренней порции Тегуаньинь, что переводится как «Железная богиня милосердия». Это разновидность улуна из провинции Фуцзянь, хотя по вкусу он не имеет с улуном ничего общего. При первом соприкосновении с языком ощущается сильная горечь, но стоит лишь сделать глоток, как рот наполняет восхитительная сладость, тонкая и благодатная. Это один из любимых чаев Веры, и она старается заваривать его по всем правилам.

Когда закипает вода, Вера достает маленький керамический чайник и две чашки размером со стопку. Ставит все на сушилку рядом с мойкой и поливает кипятком, пока чайник и чашки не становятся обжигающе горячими. Быстро переставляет их на поднос и насыпает немного Тегуаньинь в чайник, после чего заливает горячей водой. Первую заварку она сливает, потому что та призвана лишь ошпарить листья, затем снова заливает горячей водой и несет поднос к столу.

Алекс с улыбкой смотрит, как Вера наливает им обоим чай. Изящным движением он подносит чашку к губам, едва касаясь кромки, чтобы не обжечься, и делает глоток. Он глубоко вдыхает и с блаженством закрывает глаза.

– М-м, никто так не умеет заваривать чай, как ты. Лили очень скучает по твоему магазинчику.

«Бедная Лили», – в миллионный раз думает Вера. По меньшей мере несколько раз в день, когда вспоминает Алекса, Вера издает слабый вздох и думает: «Бедная Лили».

Год назад ей диагностировали болезнь Альцгеймера, и недуг быстро прогрессировал до такой степени, что Лили не выходит больше из дома. Алекс отказывается доверять любимую жену чьим-то заботам, избрав жизнь затворника. Единственное, что Алекс позволяет себе, это посидеть десять минут в чайном магазине Веры, пока Лили спит. Он в буквальном смысле ставит таймер на случай, если они с Верой увлекутся беседой. Он даже не ходит за покупками. Один из его сыновей – тот, что ответственней, – закупает продукты по воскресеньям и оставляет пакет у двери. С этого Вера и решает начать разговор этим утром, поскольку Алекс выглядит особенно усталым, и Вера знает, что упоминание о сыне приободрит его.

– Расскажи, как дела у Факаи?

Факаи означает «излучающий изобилие», замечательное имя, которое принесло сыну Алекса большую удачу. Вера одобряет такое и мечтает, чтобы Тилли тоже использовал свое китайское имя.

Как и следовало ожидать, Алекс улыбается, и в уголках его глаз появляются морщинки.

– О, хорошо, просто чудесно. Боги и впрямь на его стороне. Он в таком хорошем настроении в эти дни, говорит, дела идут как нельзя лучше.

– Ну еще бы, – Вера кивает, прихлебывая чай. – Иначе и быть не могло с такими родителями, как вы с Лили.

Нет, Вера не льстит Алексу, как делают многие китайцы

преклонных лет. Она в самом деле считает, что в основе успехов человека лежат упорный труд и самопожертвование родителей.

Вера запоздало осознает свой промах. Улыбка на лице Алекса тает, и он опускает глаза.

– Хотел бы я согласиться с таким утверждением, но для второго сына, Цзяньчэна.

Цзяньчэн означает «сила и твердость», но из того, что Вера знает о втором сыне Алекса, ему не присущи ни сила, ни твердость.

– Тяжело слышать это, но я разделяю твою горечь. – Она столько раз жаловалась в их разговорах на Тилли и столько раз сыновья их разочаровывали, что между Верой и Алексом сложилась подлинная дружба. – Сегодня утром я проснулась и отправила Минджину сообщение, проснулся ли он, но до сих пор не получила ответа. Кто бы стал проявлять столько заботы о взрослом сыне и писать ему каждое утро? Но разве ж он это ценит?

Алекс фыркает и качает головой.

– Молодежь, они не понимают, на какие жертвы мы шли ради них. Когда я был молодым, родители никогда не просыпались раньше меня. Нет, я всегда вставал раньше и чистил отцу ботинки. Мой отец никогда не ходил на работу в грязных ботинках, и все благодаря мне.

– Вот именно! – восклицает Вера, энергично расправляя плечи. – Об этом я и хочу сказать. Каждое утро я готовила

родителям горячий завтрак. Ха! Нынешняя молодежь даже не задумывается, как им повезло.

– Лили всегда их баловала, – взгляд Алекса смягчается. – Говорила, что они ведут себя как нормальные американские дети, а разве мы не этого хотели?

Вера вздыхает.

– Да, Лили права.

Они с тоской смотрят в свои чашки.

– А как дела у Лили?

Вера терпеть не может этот вопрос, поскольку за последнее полгода не слышала ничего положительного, но считает своим долгом спросить.

Алекс сникает.

– Все так же.

И это означает, что у нее лишь изредка случаются мгновения ясности. Теперь, когда Лили бодрствует, то значительную часть времени велит Алексу держаться подальше от нее и требует привести к ней мужа. Это лишает Алекса жизненных сил. Сейчас единственные источники радости для него – сын Факаи и эти мимолетные встречи с Верой. Но время неумолимо истекает, и Алекс допивает остатки чая. Вера спешит к стойке и берет приготовленный для него мешочек.

– Вот, – она кладет мешочек ему в руку. – Бобы мунг и пандан. Заваривать пятнадцать минут, или двадцать, если захочешь более насыщенный вкус.

– Ты слишком добра к нам, – протестует Алекс, хотя зна-

ет, что сопротивление бесполезно, поэтому послушно прячет мешочек в карман. Прежде, когда позволяло состояние Лили, он спорил добрых пять минут, настаивая на оплате, но теперь время в дефиците.

Вера смотрит ему вслед, пока он идет к своему дому, обветшалому, старому зданию на десять квартир, сплошь заселенных престарелыми жильцами. И почти бо́льшая часть Чайнатауна так же медленно угасает. В сердце Веры зарождается тоска и разрастается, захлестывает ее с головой. Потому что, сколько бы она ни отрицала заявления Тилли, в глубине души Вера сознает, что ее чайному магазину далеко до всемирной известности. Скорее наоборот. И глядя, как уходит первый и последний на сегодня посетитель, Вера каждый день переживает маленькую смерть. Она уже знает, что ждет ее дальше. Утро медленно перетечет в день и будет тянуться в невыносимой тишине до пяти часов. Вера сползет со стула, доплетется до двери, перевернет табличку с «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО» и в десятый раз за день спросит себя: «Какой в этом смысл?»

Что тут скрывать, вот уже несколько лет как магазин не приносит прибыли. Вера в состоянии содержать его только потому, что семь лет назад они с Цзиньлоном полностью погасили за него кредит, и теперь ей остается лишь оплачивать ежемесячные расходы на электричество и прочее. Но даже так, без кредитного бремени, магазин остается обузой, и каждый день Вера отмечает, как тают ее сбережения. Очень

скоро, как бы она ни экономила, средств на содержание не останется, и это станет концом «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг».

В этот день Вера закрывается на час раньше, не в силах выносить гнетущего одиночества. Тяжело волоча ноги, она поднимается по скрипучей лестнице на жилой этаж. Вера не привыкла предаваться унынию, но, как бы энергичны ни были утренние прогулки, тоска настигает ее неизменно. Перед сном она отправляет Тилли сообщение с напоминанием пораньше лечь спать, потому что поздний отход ко сну вызывает рак простаты, что известно всем. Вера не ждет ответа. Она знает, что его не последует. Когда же она наконец засыпает, ей снится смерть, и хочется, чтобы на сей раз настала ее очередь.

Следующим утром глаза у Веры привычно распахиваются, и начинается новый день. Что толку разлеживаться и жалеть себя, нельзя упускать ни единого часа! В привычной утренней экипировке, под прикрытием козырька, Вера спускается на первый этаж. И замирает на нижней ступени.

Потому что посреди «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг» лежит мертвый мужчина.

3

Джулия

Когда от тебя вдруг уходит муж, проблема не в том, что тоскуешь по нему уже на следующий день, нет – ты просто не понимаешь, что делать. Платежи. Вождение. Содержание дома. Джулия ненавидит Маршалла за то, что он бросил ее – их, – но конкретно сейчас больше всего на свете Джулия ненавидит Джулию.

Одиннадцать часов чудесного утра в Сан-Франциско, рядом играет дочь двух с половиной лет, а Джулия не может

даже решить, что приготовить на ланч. Потому что последние десять лет это решал Маршалл.

«Хочется сэндвичей с тунцом», – говорил он, и Джулия делала сэндвичи с тунцом.

«А как насчет фрикаделек?» – И она принималась лепить фрикадельки.

А в те дни, когда Маршалл уезжал по работе, она просто готовила его любимые блюда, потому как уже не знала, что нравится ей самой. За десять лет все то, что нравилось Маршаллу, в итоге полюбила и Джулия. Его улыбка и фраза из разряда «Как же это вкусно, детка» провоцировали мощный выброс эндорфинов, поэтому она убедила себя, что и сама обожает это все. Разве не это подразумевает жизнь в браке? Любовь ко всему, что любит другой человек?

Но прошлой ночью, после десяти лет брака и четырнадцати лет вместе, Маршалл бессовестно заявил, что «с него хватит» и он устал от ее «жалкой задницы». «По правде, – думает Джулия, помогая Эмме вставить неподатливую деталь легло, – нисколько моя задница не жалкая». Черт возьми, да она поддерживает свою задницу в отличной форме. Эта нелепая мысль безжалостно врывается в сознание, и к глазам подступают жгучие слезы. Ну кого сейчас волнует ее задница? «А все-таки, – произносит тонкий голосок в голове, в то время как Джулия еле сдерживает всхлип, – она у тебя и впрямь хороша».

Она в миллионный раз проверяет телефон. Но нет ни про-

пущенных звонков, ни сообщений. Джулия так долго ждет, что он зазвонит, и каждые несколько минут смотрит, включен ли звук, есть ли сигнал и вай-фай, поэтому, когда раздастся звонок в дверь, она подскакивает и хватается телефон.

Эмма отрывается от своего причудливого замка из лего.

– Мама, в дверь звонят.

– Хм?

Проходит еще секунда, прежде чем Джулия понимает, что звонок доносится от двери, и едва она осознает это, внутри вспыхивают в равной степени надежда и ужас, теснясь в груди. Дышать внезапно становится труднее. Джулия поднимается, заставляет себя сделать вдох и расправить грудную клетку. «Я могу дышать. Я в порядке. Все будет хорошо».

Может, без Маршалла жизнь и вовсе обернется к лучшему?

Нет, это невозможно. Он заботился о них. Заботился обо всем.

Джулия подходит к двери и не представляет, что скажет. Впрочем, это и не имеет значения. Кажется, окружающие и так знают, что ей особо нечего сказать. Люди либо перебивают ее, либо просто игнорируют. Джулия к этому привыкла. В любом случае, это наверняка Линда из соседнего дома под предлогом угостить их печеньем хочет разнюхать причины вчерашних криков. Джулии приходится обходить огромные мусорные мешки, сваленные у входной двери. Когда-то все-таки придется заняться ими.

Но когда Джулия отпирает дверь, у порога стоит вовсе не Линда. Перед ней два офицера – чернокожая женщина и азиат, и у обоих странное выражение на лицах. Они вроде как улыбаются, но улыбки кажутся натянутыми и виноватыми. У Джулии болезненно сжимается желудок: с такими улыбками хороших новостей ждать явно не стоит. Так улыбаются люди, которые знают, что вот-вот разрушат чью-то жизнь. Мгновение Джулия борется с желанием захлопнуть перед ними дверь и закрыть на задвижку. Но, само собой, она не делает ничего подобного. Джулия как никто исполнительная и покладистая. Джулия как никто услужливая и удобная. «Джулия никто», – шепчет у нее в голове голос Маршалла, даже более гнусный, чем в реальности.

– Доброе утро, мэм, – произносит азиат. – Я офицер Ха, а это моя напарница, офицер Грей. Джулия Чен – это вы?

Джулия каким-то образом умудряется кивнуть.

– Не против, если мы войдем? – спрашивает офицер Грей.

Против, хочет выкрикнуть Джулия. Сразу ясно, ничего хорошего эти двое не принесут. Но голова снова кивает в обход мозга.

– Ой, – издает офицер Ха, когда они входят и замечают мешки. – Генеральная уборка?

У Джулии так сжимается желудок, что к горлу подступает тошнота. Из ближайшего к ним мешка виднеется игровая приставка Маршалла. Практически новая. Генеральная уборка. Скорее уж избавление от всех его вещей, потому что

Джулия знает, что Маршалл не вернется.

– Вроде того, – бормочет она.

Джулия поворачивается и едва не сшибает Эмму. Она даже не заметила, как дочь повисла у нее на ноге, как маленькая коала.

– Прости, милая, – Джулия наклоняется и берет ее на руки.

Она всякий раз удивляется, как потяжелела ее малышка. Как вытянулась и окрепла и сколько всего умеет.

– Все хорошо, – шепчет она Эмме и ведет полицейских в гостиную. И повторяет, скорее для себя: – Все хорошо.

Офицер Грей улыбается.

– Привет, милая. Как тебя зовут?

Джулия не утруждает их ожиданием и отвечает за Эмму:

– Это Эмма.

Эмма никогда не разговаривает с незнакомцами. Даже соседям не перепадает от нее и пары слов, а это люди, которые попадают ей на глаза с самого ее рождения. Это одна из ее особенностей, которые ненавидел Маршалл. Ну, «ненавидел» сильно сказано. Или нет, учитывая, что он даже не оглянулся на дочь, когда уходил прошлой ночью.

– Какое чудесное имя. Очень тебе подходит, – говорит офицер Грей. – А сколько тебе лет?

Практически любой ребенок, как твердили Джулии со всех сторон, был бы счастлив объявить окружающим, сколько ему лет. Но только не Эмма. Эмма прячет лицо, уткнув-

шись Джулии в плечо, и отказывается смотреть на кого-либо. Офицеры неловко улыбаются. В голове у Джулии эхом разносится голос Маршалла: *«Почему она не может вести себя как нормальный ребенок? Это же позорище»*.

Джулия сглатывает и жестом предлагает офицерам присесть на диван, который просто неоправданно хорош: каркас из массива дерева, обивка из натуральной кожи. Конечно же, это одна из прихотей Маршалла. Он всегда выбирает самые дорогие варианты. За все расплачивается кредитками, аргументируя тем, что «деньги еще появятся, так почему бы не вложиться в будущий комфорт?». Он любит это слово – «вкладываться», объясняя им любые свои легкомысленные траты.

Джулия опускается в кресло рядом с диваном и усаживает Эмму к себе на колени. Запоздало спохватывается, что стоило бы предложить офицерам выпить хотя бы воды, но тяжесть тела Эммы останавливает ее, и к тому же ей не хочется, чтобы полицейские задерживались дольше необходимого. Она почти не спала прошлой ночью, что неудивительно после всего произошедшего. И теперь Джулия чувствует себя уставшей, бесконечно уставшей.

Словно бы угадав ее стремление поскорее с этим покончить, офицер Ха прокашливается и подается чуть вперед.

– Маршалл Чен – ваш муж?

– Покажешь свою комнату? – вклинивается офицер Грей и улыбается Эмме.

При мысли, что ей придется расстаться с мамой, Эмма за-
рывается лицом в грудь Джулии и мотает головой. Джулия
обнимает ее покрепче.

– Все в порядке.

– Вы уверены? У нас, эм... деликатная новость.

Джулия кивает и плотно сплетает пальцы за спиной Эм-
мы, чтобы унять дрожь. Волосы дочери пахнут чистым дет-
ским потом и уютной сладостью. Дыхание сбивается, Джу-
лия делает судорожный вдох, чувствуя, как воздух толчками
пробивается в легкие, и с трудом подавляет всхлип. Ну, вот
оно.

Офицеры синхронно кивают, явно недовольные ее выбо-
ром. Ничего. Джулия привыкла к недовольству окружаю-
щих. И если офицер Грей считает, будто Эмма милая и все
в этом роде, то совсем не знает Эмму. Никто не знает Эм-
му. Обычно о ней говорят как о «болезненно робкой» или
«очень тихой». Но Джулия не представляет, как оставить
ее в комнате с кем-то наедине. Эмма закатила бы истери-
ку, и офицер Грей перепугалась бы и решила, будто с девоч-
кой что-то не так. Джулию достало, что люди считают Эмму
ненормальной.

– Что ж, – офицер Ха снова прокашливается. – С прискор-
бием должны сообщить, что сегодня утром ваш муж найден
мертвым в чайном магазине в Чайнатауне.

Это звучит до того непривычно, что мозг не в состоянии с
ходу обработать услышанное. Когда же он принимается рас-

кладывать информацию, то цепляется за наиболее странную часть предложения.

– В чайном магазине?

Офицер Ха кивает.

– Да, – и заглядывает в блокнот. – «Всемиро известный чайный магазин Веры Ванг».

– Зачем дизайнеру одежды чайный магазин?

Впрочем, Ева Лонгория владеет сетью ресторанов, так что вопрос, наверное, прозвучал глупо.

Офицер Грей качает головой.

– Нет, его владелица некто Вера Вонг.

И тон, которым она произносит это, вызывает странный зуд в темных закоулках ее мозга. Джулия реагирует наихудшим образом, возможным в такой момент. Она смеется. Это длится какую-то секунду, однако она замечает, как шурятся офицеры, и ей хочется дать себе затрещину. Видит бог, Маршаллу хотелось того же по многим случаям, и разве можно его винить? Ведь ему каждый день приходится выносить ее тупые выходки. Приходилось выносить. Потому что теперь он мертв, так ведь? Ему больше не приходится выносить ее. У Джулии вновь едва не вырывается смешок, но ей удается подавить предательский позыв.

– Не понимаю, – Джулия слышит свой сдавленный голос.

В глазах офицера Грей все еще читается недоверие.

– Его обнаружила хозяйка магазина, мисс Вера Вонг, сегодня, примерно в пять утра. По всей видимости, он вломил-

ся к ней в магазин посреди ночи и там умер.

Джулия с трудом улавливает суть.

– Как он... эм, в чем причина смерти?

– Мы пока ждем результатов вскрытия, но у него в сумке был пакет МДМА. Так что, возможно, это была передозировка, – отвечает офицер Ха.

– Эмдэема?

Он точно говорит по-английски?

– Возможно, вам более известны другие его названия: экстази, Молли, ешки?

Мозг отказывается обрабатывать услышанное.

– Вам известно, что ваш муж регулярно употреблял экстази? – спрашивает офицер Ха. Но по его голосу ясно, что он хочет спросить: *«Неужели вы не знали, что ваш муж постоянно принимал экстази?»*

– На его теле также обнаружены повреждения, – продолжает офицер Грей. – Гематома на скуле и царапины на щеке. Может, вам что-то известно об этом?

Джулия мотает головой и чувствует, как пульсирует в черепе. В памяти вспыхивает сцена, когда Маршалл оттолкнул ее, прежде чем уйти, и она отлетела затылком в стену. Джулия прикусывает губу, заставляя себя сосредоточиться на происходящем. Нельзя показывать им, что у нее что-то болит. Нельзя показывать, что Маршалл причинил ей вред.

Верят ли они ей? Джулия не может сказать с уверенностью. Да и какая разница, поверят ли? Он мертв. Маршалл

мертв.

Эмма принимается ерзать у нее на коленях, как будто мысль медленно просачивается ей в голову, и начинает шарить ручками по груди Джулии.

– Титю, – требует она.

Джулия чувствует, как вспыхивают щеки, и старается не смотреть на полицейских, но тут же одергивает себя. До чего же это глупо. Какое им дело до того, что она дает грудь своей двухлетней дочери? Ей только что сообщили о смерти мужа. Кому вообще есть дело до грудного вскармливания? И, тем не менее, Джулия мягко, но решительно берет ручки Эммы и отпихивает их от своей груди.

– Позже, – говорит она ласково, хотя знает, насколько это тщетно.

Как и следовало ожидать, Эмма теряет терпение.

– Титю! – требует она громче. – Титю!

Смущение перерастает в стыд. Да, Эмма до сих пор требует грудь, но почему нельзя хотя бы сказать это полным предложением? Она умеет. Когда они вдвоем, Эмма пользуется полноценными предложениями. «Мама, ты меня покормишь?» «Мама, смотри на божью коровку, почему у нее черные точки?» «Я люблю качаться, толкни меня сильнее, мама!» Грамотно составленные фразы начисто забываются, стоит им оказаться в обществе. И, как обычно, Джулия ощущает стыд за то, что стыдится собственного ребенка. Ну что за ужасная мать. Что за ужасная жена. Только поглядите, ее

муж буквально только что умер, а она сидит и критикует речь своей дочери.

– Титю! – крик в полную громкость раздается над самым ухом Джулии.

Джулия вздрагивает, и это непроизвольное движение пугает Эмму. Мгновение она смотрит на Джулию широко раскрытыми глазами, а затем уголки ее губ опускаются вниз.

– Прости, милая...

Слишком поздно. Эмма широко раскрывает рот и издает пронзительный вопль. Она перестает быть робкой и тихой лишь в одном случае – когда плачет.

У офицеров на лицах написано, что больше всего им хочется выбежать прочь.

– Простите, сейчас не самый подходящий момент, – произносит Джулия, что звучит довольно странно. Едва ли такое говорят офицерам, которые пытаются поговорить с тобой о смерти твоего супруга. Кто знает, что вообще следует говорить? Джулия уверена, что выглядит виноватой. И сейчас думает о том, что сказал бы невинный человек, будто она действительно виновна. А ведь это и в самом деле так. У нее хватает секретов. И отчасти Джулия благодарна, что Эмма вопит, поскольку это дает повод отделаться от полицейских. Она поднимается, охнув под тяжестью дочери.

– Все в порядке. Если что-то вспомните, просто позвоните, – офицер Грей вынуждена кричать, чтобы перекрыть вопли. Она достает визитку и кладет ее на кофейный сто-

лик, после чего оба офицера встают и направляются к выходу. Джулия отмечает их уверенную походку, будто цель обозначена ясно и четко. Ей сложно вспомнить, когда она сама ходила с такой уверенностью. Сейчас она передвигается, ссутулившись, голова вечно клонится к полу, а взгляд прикован к макушке Эммы.

У двери офицер Грей задерживается, и их с Джулией взгляды пересекаются. Джулия едва не всхлипывает, столько жалости в глазах офицера. Но затем ее взгляд скользит вниз, к мусорным мешкам, и лицо принимает суровое выражение. Джулию обдает холодом. Теперь уж нечего надеяться, что офицер Грей не заметит приставку, как и шелковые галстуки. Дураку понятно, что в мешках вещи Маршалла, сложенные, словно Джулия предвидела его смерть. Офицер что-то бормочет, но Джулия не слышит ничего за воплями Эммы.

– Будем на связи, – офицер Грей повышает голос.

Не дожидаясь, когда они развернутся и пойдут прочь, Джулия захлопывает дверь и спешит к дивану, чтобы успокоить дочь. Она даже не осознает, что плачет, пока на щеку Эммы не падает слеза. Теперь нет смысла сдерживаться, и тело Джулии сотрясают рыдания.

4

Вера

Время 20.55, вот уже почти полчаса как Вера лежит в постели. Она даже не может вспомнить, когда в последний раз было такое, чтобы ей не удалось уснуть в половине девятого. Вера всегда вовремя ложится спать и не понимает тех, кто испытывает трудности с засыпанием. Для нее сон, как и многое другое в жизни, – это вопрос дисциплины и воли. Каждый вечер, обмазываясь многочисленными увлажняющим кремами, она говорит своему телу, что пришло время

отдыхать, и оно никогда ее не подводит.

За исключением этой ночи. Вера лежит в темноте, неугомонно перебирая указательным и большим пальцами край одеяла. В шестой раз Вера делает глубокий, энергичный вдох и мысленно отдает мозгу приказ отключиться на ночь. Мозг, как трудный подросток, игнорирует ее и упорно отказывается засыпать.

Когда цифры на часах показывают 21.00, Вера оставляет попытки подчинить сознание и встает. Досадливо фыркает и плетется из спальни на кухню, где щелкает по выключателю и с непривычки жмурится. Когда глаза наконец привыкают к свету, Вера заваривает себе чашку вкусного чая с хризантемой и без кофеина. В процессе она ругает себя за собственную глупость. Да, она обнаружила тело посреди своего маленького магазина, но почему это напрочь лишило ее сна? Все-таки у нее отличная выдержка.

«Однако ведь, – произносит тонкий голос в голове, – дело не в мертвом теле, верно? Дело совсем в другом».

Вера вздыхает. Порой ей ненавистна собственная проницательность. Когда закипает чайник, она наливает кипяток в чашку и наблюдает, как распускается высушенный цветок хризантемы. Затем ковыляет к обеденному столу и садится, автоматически бросая взгляд на коробку салфеток в центре. В памяти самопроизвольно оживают события прошедшего дня.

К тому времени, как прибывает полиция, Вера уже относительно спокойна. Да, пульс немного учащенный, но с учетом, что в паре шагов от нее лежит мертвый мужчина, это вполне приемлемо. Вера подготовилась к приезду полиции: вскипятила воды на три полных чайника и насыпала в каждый по щепотке лунзцина с листьями гинкго – сочетание, известное своей способностью подстегнуть ум, что позволит офицерам проделать свою работу наилучшим образом. Всего один глоток ее волшебного чая обострит их разум, и возможно, результат настолько их впечатлит, что они заглянут к ней еще не раз. Может, слухи разойдутся и по другим отделениям, и скоро ей начнут оставлять заказы в департаментах полиции по всему Заливу⁸.

Вера даже немного прибралась в магазине. Ну, вокруг тела, естественно. Вера посмотрела достаточно серий *CSI* и знает, что ей нельзя самой трогать тело, чтобы не затереть следы ДНК преступника. Но и впускать толпу офицеров в свой магазин, не приведя его немного в порядок, она не собирается. Поэтому Вера поднимается к себе в квартиру и приносит красивую вазу, и заодно свою фотографию в молодости, просто чтобы они знали, что в свое время она была

⁸ Область залива Сан-Франциско – территория, сформировавшаяся вокруг залива Сан-Франциско и названная его именем.

очень даже ничего. Она едва не смела осколки перед входной дверью, но вовремя опомнилась, ведь, возможно, это улика. Вера чрезвычайно довольна местом преступления, которое у нее вышло; пожалуй, это самое прелестное место преступления, где доводилось бывать копам.

Когда прибывает полиция, Вера встречает их у порога с подносом свежесваренного чая, но те отпихивают ее в сторону – конечно, вежливо, но все-таки:

– Пожалуйста, мэм, не стойте на пути.

– Но... – пока Вера собирается с мыслями, трое полицейских вваливаются в ее крошечный магазин. – Я приготовила вам чай. Лучше пить сейчас, а потом делать расследование. Это лунзцин и листья гинкго, делают ваш ум ясным.

Первый офицер, тот, который отпихнул ее как школьницу, бросает на нее мимолетный взгляд.

– Мы не собираемся что-либо пить или есть, мэм. Грей? – он окликает другого офицера и кивает на Веру.

Офицер Грей, смуглая девушка приятной наружности, примерно одного возраста с Тилли, подходит к Вере с вежливой улыбкой.

– Мэм, не могли бы вы пройти со мной на улицу? Мне нужно взять у вас показания.

– О, нет, благодарю, – без промедления отвечает Вера. – Я должна остаться и следить, чтобы ваши друзья ничего не упустили.

– Что за?.. – бормочет первый офицер. – Скажите, мэм,

кто нарисовал контур вокруг тела?

– А, это я, – Веру распирает от гордости. Они заметили, до чего она предупредительна и находчива. – Сберегла ваше время.

Вера в курсе, как это бывает на месте преступления: полиция наносит контур вокруг тела при помощи скотча. К сожалению, у Веры его не оказалось, поэтому пришлось обойтись маркером. Она действовала очень осторожно, стараясь соблюдать расстояние в полдюйма между линией и телом, чтобы не коснуться его. Но результат, можно сказать прямо, великолепный: линия аккуратная и вместе с тем четкая. Следует сказать копам, чтобы отказались от скотча в пользу маркера.

Но не похоже, что офицеры под впечатлением. Более того, вид у них раздосадованный.

– Выведите ее, – говорит первый офицер.

– Пройдемте со мной, мэм, – предлагает офицер Грей.

Вера хмурится, но делает как ей говорят.

У двери Вера оборачивается на первого офицера и замечает:

– Я ничего не двигала, офицер. Все в таком виде, как было перед убийством.

Офицер Грей вскидывает бровь.

– Убийством? С чего вы взяли, что это убийство?

Вера со вздохом поворачивается к ней. К чему эти вопросы, если все очевидно?

– Ну... я просто чувствую ауру, а вы? Очень плохая аура. Ах, наверное, ваше поколение называет это «вайбами».

– От жертвы... плохие вайбы? – переспрашивает офицер Грей.

Вера подозревает, что офицер Грей не верит ей. Какой из тебя полицейский, если нельзя положиться на свое чутье? Вот поэтому полицейским нужен чай. Вера поднимает поднос повыше в надежде, что офицер Грей почувствует изысканный аромат.

– Выпейте моего чая. Вам не повредит. Сделает ум ясным и подстегнет память.

– Мэм, – вздыхает офицер Грей. – Хватит пихать нам свой чай. Поставьте поднос и выходите. Сейчас же.

Вера в замешательстве. В конце-то концов, она годится офицеру Грей в матери. Этой девушке не следует разговаривать со старшими в таком тоне. И все-таки это офицеры полиции, так что Вера должна следовать букве закона, но в знак протеста она выходит наружу с подносом в руках. Даже не верится, что ее прогнали из собственного магазина. Если мужчина умер у нее в магазине, она имеет право следить за ходом расследования и высказать свои соображения о причинах смерти. (Больше всего ей нравится гипотеза, согласно которой убитый и предполагаемый убийца захотели выпить чаю на ночь и пришли к ней, но магазин оказался заперт, и это их так расстроило, что один прикончил другого. В самом деле, если людей убивают даже в дорожных разборках,

то чем хуже разборки в чайном магазине?)

Снаружи Вера, к своему разочарованию и удивлению, не обнаруживает подкреплений. Где же криминалисты? Где ребята в защитных костюмах и с громоздкими камерами в руках? А пестрая желто-черная лента и толпа любопытных, жаждущих увидеть жертву убийства? Где молодые пронырливые журналисты, которые прикидывались бы детективами, чтобы пробраться на место преступления?

Нет, на улице привычно тихо и безлюдно, и только – ух – Винифред выглядывает из своей кондитерской. Всякий раз, когда Вера называет ее лавку «кондитерской», Винифред спешит поправить ее.

– Французская пекарня, – заявляет она чопорно. – Утверждать, будто я не могу называть свое заведение французским только потому, что я не француженка, – это расизм, Вера.

– Дело не в том, что ты не француженка, Винифред. Ты просто не продаешь французских булочек. У тебя они китайские.

– И многие из них сделаны на французский манер!

– Называть булочки с таро *petit pain au taro* недостаточно, чтобы они стали французскими.

Как бы то ни было, Винифред выглядывает из своей определенно не французской пекарни, и Вера представляет, какие мысли вертятся у нее в голове. Ха! Пусть воображает что угодно. Человек предпочел умереть в чайном магазине Веры, а не в фальшивой пекарне Винифред.

– Мэм?

Вера не сразу понимает, что офицер Грей задала ей вопрос.

– Да?

– Я спрашиваю, не могли бы вы рассказать подробно, что произошло и как вы обнаружили тело?

– Да, конечно, – Вера готова к этому вопросу. – Итак, я проснулась, как обычно, в половине пятого. Без будильника. Я просыпаюсь в половине пятого каждое утро, это называется дисциплиной. А вы во сколько встаете?

Офицер Грей на секунду закрывает глаза.

– Мэм, сейчас не обо мне речь. Пожалуйста, продолжайте.

– Ха, – фыркает Вера. – Вы, молодые люди, всегда спите допоздна. Это плохо для здоровья.

– Итак, вы проснулись... – офицер Грей взмахивает рукой, на вкус Веры, с чрезмерным нетерпением.

– Я проснулась, умылась и так далее, потом пошла на кухню и первым делом выпила большой стакан воды. Я так делаю каждое утро. Это очищает почки, а еще...

– Понятно, выпили стакан воды, а затем?

– Я надела козырек... знаете ли, в Калифорнии такое жаркое солнце, просто крема недостаточно, даже крема с фактором защиты девяносто. Нужно надевать головной убор с козырьком, понимаете? Защищайте кожу от солнца, иначе будет рак.

– Головной убор, принято. Так, дальше?

– Потом я спустилась вниз и увидела мертвое тело.

– Вы знакомы с умершим? – офицер Грей заносит ручку над блокнотом.

Вера мотает головой.

– Никогда раньше не видела. Но, судя по его лицу, могу сказать, что ему тридцать с небольшим, а может, и больше. Ведь у азиатов очень хорошая кожа. Да, ему чуть меньше сорока.

К безмерному неудовольствию Веры, офицер Грей не делает у себя никаких пометок.

– Вы не хотите это записать?

Офицер Грей оставляет вопрос без внимания.

– Итак, вы не знаете умершего, – *это* она записывает. Мудрые суждения Веры ее не интересуют, а вот факт, что Вера чего-то не знает, – пожалуйста. – Может, что-то бросилось вам в глаза?

– Да, пожалуй, – Вера до смерти хочет оказаться полезной.

Офицер Грей оживает.

– Прежде всего, он был мертв, – рассудительно произносит Вера.

Офицер Грей с шумом выпускает воздух.

– Да, это... так, с этим ясно. Еще что-нибудь?

– Я не стала его трогать. Я знаю, что вы захотите взять отпечатки пальцев, следы ДНК и все такое, – не без гордости сообщает Вера. Она вытягивает шею и демонстративно озирается. – Кстати о ДНК, где ваша команда си-эс-ай?

Офицер Грей смыкает губы в тонкую линию.

– Боюсь, мы работаем несколько иначе, мэ. Боже, ненавижу эти сериалы, – бормочет она. – Сейчас мой коллега ищет признаки преступления, и, если такие найдутся, мы вызовем криминалистов.

– Что? – и вновь Вера в замешательстве. После всего, что ей доводилось смотреть по телевизору, она ждала маленькую армию из людей в защитных костюмах. – Есть явный признак преступления.

– Да?

Поднос в руках ограничивает движения, так что Вера кивает на входную дверь.

– Посмотрите, убийца разбил стекло!

Офицер Грей медленно кивает.

– Возможно, так и есть, но я бы не делала поспешных выводов. Стекло могло разбиться от чего угодно. Хотите рассказать о чем-то еще, что имело бы значение для расследования?

– Как насчет наркотиков? – залпом проговаривает Вера.

Офицер Грей смотрит на нее в упор.

– Наркотиков? В каком смысле? Мэм, вы точно не трогали жертву? Не осматривали его вещи?

«Очень аккуратно», – хочет выпалить Вера, но вовремя прикусывает язык.

– Конечно нет. Я просто подумала, что он похож на тех, у кого есть наркотики. Очень плохие.

Теперь офицер Грей смотрит с прищуром. Вера чувствует себя непослушным ребенком, которого отчитывает взрослый. Ох, как давно Вера не испытывала этого чувства, и ей оно совсем не нравится.

– Мы проверим, что там с наркотиками.

Где-то в животе зарождается сомнение, но Вера не дает ему воли. Она заглядывает сквозь пыльное окно в свой магазин. Внутри двое полицейских осматривают зал. И вновь Вера чувствует досаду. Эти двое, похоже, и не знают, что такое следственная работа, даже не снимают с поверхностей отпечатки пальцев. Разве им не следует вызвать подкрепление? Современная молодежь вообще способна делать что-то правильно? Неужели ей придется отдуваться за всех?

Ответ, само собой, однозначное «да». Собственно, поэтому Вера вздыхает и мотает головой.

– Больше ничего не припомню, – говорит она офицеру Грей.

Позднее, когда уезжает полиция и судмедэксперт забирает тело, Вера стоит в зловещей тишине магазина, глядя на участок пола, где лежал труп. Кроме разбитого стекла, ничто не напоминает о страшной находке. Конечно, есть еще контур, услужливо нарисованный Верой, но на этом точно все. Даже капельки крови, и той нет.

Судмедэксперт даже не смутился, когда прибыл за телом. Его люди также отказались от ее чая, однако ей удалось загнать в угол кое-кого из помощников и так запугать бедного

парня, что ему пришлось объяснить, что они просто отвезут тело в морг, но на первый взгляд это похоже на сердечный приступ, никаких признаков преступления.

– Никаких признаков преступления? – рявкнула Вера. – Это явно убийство!

– Эм, нет, я так не думаю... хм... не похоже. Но мы не можем... эм... утверждать что-то... эм... до расследования, – проговорил молодой помощник, после чего удрал.

Да уж. Похоже, ей и впрямь придется все делать самой, в том числе разыскивать убийцу. Хотя, возможно, она несправедлива, думает Вера, потягивая нетронутый лунцзин с листьями гинкго. В конце концов, она-то пьет свой волшебный чай каждый день. Имеет ли она право винить других в том, что они не столь проницательны?

Конечно, возможно, Вера незаслуженно получила фору, когда взяла кое-что из протянутой руки убитого...

Но нет, скорее дело все-таки в чае.

* * *

И вот теперь, сидя на кухне, Вера достает эту вещицу из салфетницы. Это флешка, черная, с глянцевым отливом. Что заставило Веру взять ее из руки убитого? Следовало оставить ее для копов, и тогда они, возможно, отнеслись бы к делу более серьезно.

Но всем известно, до чего бесполезны эти копы, убежда-

ет себя Вера. Достаточно посмотреть, как легкомысленно и пренебрежительно они вели себя сегодня. Вера знает, они ничего не предпримут. Ну да, она не может знать наверняка. При этом Вера убеждена, что справится лучше. В конце концов, кто раскроет преступление успешнее, чем мнительная китайская тетушка с уймой свободного времени? А времени у Веры хоть отбавляй, особенно теперь, когда Цзиньлона не стало, а Тилли занимается бог знает чем.

Да, она поступила правильно, забрав флешку. И конечно, Вера знает, что убийца вернется за этой флешкой. Более того, она разместит некролог в местной газете. И сделает пост в соцсетях. Можно не сомневаться, что убийца это увидит. Ему покажется странным, что некролог появился так скоро после смерти. Он увидит в этом послание. И когда он явится, Вера будет наготове.

Дело об убийстве. Ведет: Вера Вонг

Жертва: Маршалл Чен, 29 лет

Причина смерти: неизвестно

Особые приметы:

- 1. Синяк на левой скуле (кто-то его ударил?)*
- 2. Царапины на правой щеке (кто-то его поцарапал?)*
- 3. Флешка в руке (Что в ней?! Коды к ядерному оружию? Он шпион? КГБ?)*
- 4. Распухшие пальцы. Все тело распухшее. Как у меня на третьем триместре*

5. При себе целый пакет наркотиков. Ясно? Должно быть, он очень плохой человек. Это не Голливуд, зачем ему таскать с собой наркотики?

Так ужасно! Захватывающе! Я беспомощная пожилая леди. Что же делать? Мой долг – разыскать убийцу прежде, чем он начнет бесчинствовать. Убийца обязательно вернется за флешкой. Я узнаю, кто это, и поймаю его / ее / их!

5

Рики

Рики не знал, чего ждать от места, называемого «Всемирно известным чайным магазином Веры Ванг». Чего он точно не мог представить, так это крохотной, убогой на вид лавчонки. На самом деле магазин кажется таким жалким и всеми забытым, что Рики прошел мимо и направился к маленькой сувенирной лавке в конце квартала, прежде чем понял, что маленькая точка в гугл-мэпс осталась позади. Он разворачивается и медленно шагает обратно, внимательно изучая

каждую табличку. Когда же он отыскивает магазин, на ум приходят слова «ветхий», «запущенный» и «пыльный». Рики не знает, как воспринимать тот факт, что Маршалл умер в подобном месте.

Приличный человек подумал бы: «Бедный Маршалл, он не заслуживал смерти в этом убогом заведении». Или на худой конец: «Бедная жена Маршалла и бедная его дочь, хотя я даже не знаю их имен. Должно быть, им очень грустно, и я скорблю вместе с ними».

Но может ли Рики назвать себя приличным человеком? Нет, потому что первая его мысль: «Поделом ублюдку. Я рад, что он помер здесь».

Конечно, в следующий миг приходит осознание, и становится страшно. Что за жуткая мысль. Кому может прийти в голову такое? Затем следует привычный шквал мыслей, словно сознание Рики состоит из двух личностей, которые вечно спорят.

«Только не притворяйся, что слишком хорош для подобных мыслей».

«Мне пришлось делать это, чтобы выжить. И по большому счету, я делал это для Ади».

«Тебе не надоело оправдываться младшим братом при каждом дурном поступке, каждом преступлении?»

И так до бесконечности. Скорее всего, Рики еще долго стоял бы перед «Всемирно известным (не слишком ли это смело?) чайным магазином Веры Ванг», но в этот миг вет-

хая дверь со скрипом распаивается. Колокольчик над входом своим звоном врезается в его жаркую дискуссию с самим собой. На долю секунды Рики чувствует раздражение, поскольку был уверен, что почти уел самого себя, но вот он уже безмолвно смотрит на лицо, выглянувшее из магазина, и все мысли затихают.

Это пожилая женщина, наверное, лет шестидесяти, с пышной химической завивкой, столь привычной для Рики, выросшего в Индонезии. Тонкие губы накрашены ярко-розовой помадой, слишком яркой для ее кожи, а брови густо выведены черным карандашом.

– Вы что-то хотели? – произносит женщина.

Есть что-то такое в ее голосе, отчего Рики возвращается в детство, когда ему пять лет и его поймали за поеданием крупука⁹ на кухне.

Он одергивает себя. Ему двадцать пять, и женщина даже не достает макушкой ему до сосков. Боже правый, обязательно вот прямо сейчас думать о сосках? Что, черт дери, с ним не так? Конечно, теперь, стоило мысли зародиться в уме, Рики не может думать ни о чем другом, кроме сосков, словно какой-нибудь извращенец.

– Эм...

Женщина переступает порог и вздергивает подбородок, так что теперь смотрит Рики прямо в глаза.

⁹ Крупук – национальное блюдо Индонезии и Малайзии, чипсы, изготавливаемые из крахмала либо муки разных видов, а также измельченных морепродуктов.

– Ты стоял тут четыре минуты. Думаю, это нетипично даже для миллениалов.

– Ох, я... – Рики лихорадочно ищет подходящие слова, и мозг выдает: – Я не миллениал...

Женщина прищуривается и окидывает его взглядом, от чего у Рики мурашки бегут по коже.

– Хм, по тебе не скажешь, что ты из поколения зуммеров. Надо лучше ухаживать за кожей.

В Индонезии мама постоянно твердила, чтобы они с братом наносили солнцезащитный крем каждые два часа, но никто не следовал ее совету. И вот теперь Рики расплачивается за это. Он вдруг чувствует себя виноватым, и ему становится стыдно за свою кожу. Но какого черта он думает об этом сейчас?

– Думаю, тебе лучше войти, – говорит женщина и снова скрывается за дверью, не дожидаясь его реакции.

В смятении, более глубоком, чем рассчитывал пережить этим погожим утром, Рики делает глубокий вдох и следует за маленькой женщиной в сумрачное помещение.

Он словно шагнул в совершенно иной мир, застывший в пятидесятых. Не то чтобы Рики знал, как выглядел чайный магазин в те годы. Так или иначе, внутри тесно и темно, несмотря на эркерные окна по обе стороны от двери. Возможно, дело в толстом слое грязи на окнах или в многочисленных выцветших постерах, наклеенных как попало, но что-то придает магазину сходство с сырым подвалом. Рики

невольно съеживается и поджимает плечи, чтобы ненароком ничего не задеть.

Стены тоже выцветшие, и одну сторону занимает шкаф от пола до потолка с сотней выдвижных ящичков. Рики содрогается при мысли о том, что может в них оказаться. Скорее всего, пауки. Судя по виду, их не открывали годами. Другая стена оклеена китайскими постерами и дешевыми китайскими картинами с изображением цветов лотоса, птиц и веток вишни. Все сморщилось, бумага облупилась, так что птицы теперь выглядят несуразно, а цветы из нежно-розового стали бледно-персиковыми. В магазине всего четыре столика, и у каждого по два стула, в безвкусном и броском азиатском стиле, хорошо знакомом Рики: спинки и ножки с причудливой резьбой, вероятно, выполненной на фабрике в Китае, старомодные и адски неудобные. Само место пахнет старостью и навевает уныние. Рики делает еще шаг и едва не подскакивает, потому что на линолеуме прямо у него под ногами нарисован контур человеческого тела.

Хозяйка магазина уже стоит за стойкой и перехватывает его взгляд.

– О, это мертвый человек. Полагаю, ты здесь по этой причине?

Рики не в силах отвести взгляд от контура. Выглядит по-настоящему жутко, одна рука вытянута над головой. «Astaga¹⁰», думает Рики. Он знал, что Маршалл умер – соб-

¹⁰ Боже мой (индонез.).

ственно, поэтому Рики и здесь, — но видеть, в какой позе тот умирал...

— Хороший контур, правда? — спрашивает женщина с нескрываемой гордостью.

Рики наконец отрывает взгляд от пола и видит, что женщина улыбается с ликованием.

— Эм... да?

— Я это сама нарисовала, — она ставит чайник на плиту, и ее буквально распирает от гордости.

— Что? Разве не полиция этим занимается?

Женщина фыркает.

— Ха! Полиция. Какой от них толк? Приезжают, делают пару фото, забирают тело и уезжают. А сняли они отпечатки пальцев?

На пару секунд повисает молчание, и Рики понимает, что от него ждут ответа.

— О! Сняли они отпечатки пальцев?

— Нет! — громко восклицает женщина и стучит морщинистым кулаком по столешнице, так что Рики подсакивает.

Он не знает, что сказать, но чувствует, что будет правильнее разделить ее негодование.

— Почему?

Очевидно, этого от него и ждали, поскольку хозяйка вскидывает указательный палец и обличительно тычет в потолок.

— Вот именно! Почему? Я спрашиваю их, почему вы не снимаете отпечатки пальцев? Возьмите мои отпечатки!

Возьмите отпечатки со всего магазина! Делайте свою работу. И знаешь, что они ответили?

На этот раз Рики готов.

– И что же?

Она заговорщически понижает голос:

– Они говорят: «Мэм, мы делаем свою работу. Пожалуйста, не стойте на пути. И перестаньте предлагать нам свой чай». – Она откидывается назад и фыркает, после чего берет заварочный чайник и насыпает горсть чайных листьев. – Я заваривать им свой лучший улун, но никто даже не попробовал его. Никто!

Такое пренебрежение явно оскорбило ее чувства, поэтому Рики считает своим долгом сочувственно покивать.

– Ну, одна милая офицер все-таки попробовала. Она сказала, что он приятный. Я говорю: «Это лучший улун, Гао-шань, очень дорогой, знаешь ли». Она отвечает, это лучший чай, какой она пробовала. Ха, конечно, он лучший! Я пойди заваривать ей другой улун, потому что она определенно ценитель чая, но другой офицер сказал, чтобы я перестала поить всех чаем. Можешь себе представить? Так грубо! – Она переводит дух и негромко ахает. – Ах, кстати, я говорю про грубость, а сама очень грубая, не правда ли? Я Вера. Вера Вонг. Владелица этого заведения, – Вера произносит это столь величественно, как будто она королева Британии и показывает ему Букингемский дворец.

– Эм, очень мило, – отвечает Рики. – Я Рики. Рики Гер-

ванто.

– И почему ты слоняешься перед моим магазином, Рики Герванто?

– Эм...

А почему, собственно? Рики косится на контур тела на полу и заливается краской. Он готов поклясться, что у него пылают щеки, а кончики ушей горят, как свечи. Ему следовало продумать этот момент, но, с другой стороны, именно этим он и занимался, пока Вера на застала его врасплох. Быстро, придумай что-нибудь! Приходится сочинять на ходу:

– Я увидел его некролог и подумал, как это странно... ну, то, что он умер в чайном магазине и все такое... – Затем мозг выдает: – Я репортер.

– Ох! – Глаза у Веры вспыхивают как бриллианты. – «Эс-Эф Кроникал»? «Бэй Эриал Таймс»?

– Эм... вряд ли вы о таком слышали, это интернет-издание.

– А, онлайн! Да, я читаю много новостей в Интернете, – Вера качает пальцем. – Я всегда говорю: если хочешь остаться молодым, думай, как молодые. Молодые читают новости онлайн, и я читаю новости онлайн. Так откуда ты?

– Я из... эм, Бэй... Базз...¹¹

¹¹ BuzzFeed – новостное интернет-издание, международный медиапортал, освещающий широкий спектр тем – от мировой политики до телевизионных шоу.

Вера издает такой пронзительный возглас, что Рики теряется.

– «Баззфид»? Вау! Потрясно, отличная работа, малыш!

– Эм... – Рики хочет поправить ее, но затем соображает: «А почему нет?» «Баззфид» настолько большая контора, что там, должно быть, сотни людей в штате. Тем меньше шансов, что Вера поймает его на обмане. – Да, он самый.

В глазах Веры зажигаются звезды.

– О-ох! Я думать сегодня утром: «Вера, из газет обязательно придут сюда с кучей вопросов. Так что надо выглядеть презентабельно».

Она аккуратно поправляет волосы и улыбается. С задержкой до Рики доходит, что Вера ждет от него комплимента. Должно быть, по такому случаю она и накрасила губы вызывающе-розовой помадой и подвела брови карандашом. Рики торопливо кивает.

– Да, вы выглядите очень... эм, презентабельно.

– Только делай мои фотографии с хорошим светом. И, может, получится убрать мои морщины в этом... фотостопе?

– Фотошопе? Эм, конечно. Но перед этим могу я задать вам пару вопросов о Марш... о мистере Чене? Чуваке... мужчине, котрый умер здесь?

– О, спрашивай.

Вера наливает кипяток из большого чайника в заварочный. Рики никогда не видел такого маленького чайничка: размером с половину маленького стакана из «Старбакс».

Непонятно даже, ради чего столько хлопот.

– Что ж... – О чем спросил бы репортер? – Расскажите все. Это вы обнаружили тело?

– Да, вчера утром. Я спускаться вниз, примерно в четыре сорок пять. Я люблю рано вставать, раньше ляжешь, быстрее начнешь новый день, так я всегда говорю. Я спустилась, чтобы отправиться на утреннюю прогулку, а я каждое утро много хожу и поэтому остаюсь такой стройной. Согласны? – Вера ставит на поднос заварник и две крохотные чашки.

– Да, пожалуй... Итак, вы спустились и в этот самый момент увидели его?

– Да. Сначала я подумать, может, это такая тень, но потом подойти ближе, и айя! Мертвец, вот прямо здесь, – она кивает на контур тела и с подносом в руках идет к одному из столиков. – Иди, сядь. Выпей это. Цзинь Сюань, очень хорошо для здоровья.

Рики неохотно опускается на один из стульев, кошмарно неудобный, как и следовало ожидать.

– И что же вы сделали?

– Вызвать полицию, конечно!

И это все? Рики не знает, чувствует он разочарование или облегчение.

– Полиция нашла что-нибудь достойное внимания?

– Ха, говорю же, от них никакой пользы, вообще никакой. Я говорю им, этот человек убит. А они говорят мне, что мы не делаем поспешных выводов. Гляди на мою дверь, я тебе

говоря, гляди!

Рики послушно поворачивает голову. В двери недостает стекла, и по краям рамы торчат осколки.

– Это похоже на случайность? – говорит Вера и ставит перед ним чашку. – Кому надо разбивать стекло? Разбивать стекло и умирать в моем магазине? Вот уж незадача. Очевидно, что человека убили.

Рики кивает, стараясь не показать своим видом, насколько его беспокоит убежденность Веры в убийстве. Он тянется за чашкой и, к своему ужасу, замечает, что рука мелко дрожит. Торопливо хватая чашку, обжигает пальцы о горячий фарфор – и почему к этим штукам не приделывают ручки? – и выпивает все одним глотком.

– Айя! Куда так спешишь? Китайский чай изысканный, нельзя вот так просто заливать его в себя. Это не кофе, – Вера произносит «кофе», словно само слово ей омерзительно. И, прежде чем Рики успевает отказаться, наливает ему вторую чашку. – Пей так.

Она с изяществом берет свою чашку – большой и указательный пальцы едва касаются края – и отпивает совсем немного. Затем делает вдох и закрывает глаза. На губах играет еле заметная улыбка.

– Ах, Цзинь Сюань, один из лучших чаев. Его еще называют «молочный чай», потому что вкус сладкий и мягкий, почти как молоко.

По примеру Веры Рики осторожно берет чашку и тоже де-

лает небольшой глоток. И на сей раз действительно чувствует кремовые нотки. На вкус и правда как молоко. Он смотрит в чашку, чай почти прозрачный и на вид не имеет ничего общего с молоком. Так странно, на вкус совсем не то, чем оно кажется с виду. С другой стороны, с чувством вины думает Рики, то же самое можно сказать о нем. Некий тип, выдающий себя за того, кем не является. Тип, который пришел, руководствуясь куда более темными побуждениями. Рики поднимает глаза и видит, что Вера пристально его изучает, шок пронзает его до самой подкорки, и он едва не проливает остатки чая. Они знакомы с Верой всего десять минут, но уже сейчас понятно, что она не из тех, кто дает водить себя за нос. У нее такой пронизывающий взгляд и хитрое выражение лица... Она знает? И заварила ему этот особенный чай, поскольку знает, что он пытается выдать себя за кого-то другого? Может, своими утверждениями, что Маршалл был убит, она проверяет его?

И главный вопрос. Знает ли она, *что* связывает его с Маршаллом?

6 Сана

Сана лишена маминой грации. Она вообще лишена всего маминого, если уж на то пошло. Но этим утром если что-то и злит ее больше всего, так это недостаток маминой грации. Потому что вот она, перед «Всемирно известным чайным магазином Веры Ванг», собирается произвести хорошее впечатление и, конечно же, вместо этого в дверях врывается в другого посетителя. Да так, что он роняет пакет.

– Ох, простите. Простите, ради бога!

Еще одна черта Саны, которая раздражает маму. *«Не начинай фразу с извинений. Прекрати постоянно просить прощения. Это неискренне и раздражает»*. Сана сама это понимает, но ничего не может с собой поделать. Она наклоняется, чтобы помочь молодому человеку с пакетом, и это заканчивается тем, что они сталкиваются головами.

– Простите! – извинение машинально срывается с языка.

– Ничего страшного.

Они выпрямляются, и, прежде чем парень сбегает, Сана успевает разглядеть его лицо. Смуглая кожа, почти как у нее, но в отличие от нее он не индеец. Может, откуда-то из Юго-Восточной Азии? Довольно привлекательный. Конечно, Сана здесь не за этим. Просто тяжело не обратить внимание на эти огромные глаза и линию подбородка.

Сана встряхивает головой. Нужно сосредоточиться. Но сосредоточиться на чем? Она даже не вполне понимает, зачем пришла сюда. Убийцы часто возвращаются на место преступления. Эта мысль ядом расползается по нутру. Сана вздрагивает. *«Я не убийца. Не моя вина, что он умер. Он этого заслуживал. Наверное»*. Она снова вздрагивает. Боже, откуда только берутся такие мысли?

К счастью, дверь магазина снова распахивается, и звон колокольчиков вырывает Сану из водоворота мыслей. На нее смотрит пожилая женщина. Брови изогнуты высокой дугой, и взгляд словно говорит: *«Я выгляжу отпадно, и не забывай об этом»*.

– Могу я помочь вам? – произносит она.

– Ох, да! Я... это «Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг»?

Как только слова слетают с языка, Сане хочется пнуть себя. Потому что надпись прямо у нее над головой гласит гигантскими, призывно-красными буквами: «ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ ЧАЙНЫЙ МАГАЗИН ВЕРЫ ВАНГ». *«Не будь многословной, милая, – звучит в голове голос мамы. – Лучшие чего-то недосказать, чем наговорить лишнего».* Маме должно быть видней, ее книги известны своей краткостью, а легионы фанатов изнывают в ожидании новых.

Женщина горделиво улыбается.

– Да, он самый. Ну и ну, такой занятой день. Столько новых посетителей!

Она заводит Сану внутрь. В маленьком, сумрачном магазине, кроме них, больше никого.

Сана переминается с ноги на ногу. Столько новых посетителей? То есть... она и тот парень, на которого она налетела? От этой мысли Сану вдруг переполняет грусть. Она озирается по сторонам. Очевидно, что «Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг» переживает не лучшие дни.

– Сядь, сядь! Я сделаю тебе чай. Как тебя зовут?

Женщина, вероятно Вера Ванг, указывает на столики, после чего спешит за стойку.

Сана делает шаг к ближайшему из столиков и осторожно опускается на стул.

– Эм... Сана. Сана Сингх. Я здесь...

– Дай угадаю. Из-за мертвого тела?

Сана вздрагивает.

– Да. Я... я прочитала в газете и...

Вера кивает и указывает куда-то ей под ноги.

– Он там.

– Что? – Сана подскакивает. Затем смотрит, куда показывает Вера, и видит со смешанным чувством ужаса и облегчения, что на полу нарисован контур человеческого тела. Ладно, на самом деле его – то есть «мертвого тела» – здесь нет. Но сердце продолжает молотить по ребрам. Кажется, контур нарисован простым маркером. – Это вы... это полиция его нарисовала? По-моему, они используют скотч.

– Ах, полиция. Никакого от них толку, – Вера фыркает и насыпает чайных листьев в заварник. – Нет, конечно, это не они. Я сама. Хорошая работа, а? Очень близко к телу. Маркер иногда немного его задевал.

Сана таращится на нее.

– И полиция позволила вам это сделать?

– О, я делаю это, пока дожидаясь их. Я даже делаю им чай, и все это до их приезда. И думаешь, они благодарны?

Повисает молчание, и Сана спешит заполнить паузу:

– Нет?

– Очень неблагодарны. – Вера наливает в заварник горячей воды и несет на подносе к столику. – Сядь, выпей немного чаю. Это Циемнь Хунча из провинции Анхой в Китае.

Пробуй, – распоряжается она и наполняет чашку, такую крошечную, будто взяла ее из кукольного домика.

Сана делает глоток, и это кардинально отличается от всего, что ей доводилось пробовать, но в то же время в нем есть нечто неуловимо знакомое. Нотки дыма сочетаются с ароматом весенних цветов.

– Так успокаивает, – произносит Сана едва слышно и делает еще глоток.

Не успевает она опомниться, как чашка уже пуста, и Вера забирает ее, чтобы налить новую порцию.

– Итак, что я могу сделать для тебя, Сана?

– Ох, да, – Сане нужна секунда-другая, чтобы собраться с мыслями после такого чудесного чая. – Эм, я... у меня подкаст, – заявляет она.

Вера хмурит брови.

– Ох, милая. Пожалуй, у меня найдется один крем.

– Ой, нет, это вроде... радио в Интернете...

– Ага, – у Веры загораются глаза. – Великолепно, ты ведущая на радио?

– Вроде того, но это не совсем передача на радио. Я просто сижу и говорю в микрофон.

«Никогда не преуменьшай свою работу, милая, – шепчет в голове голос мамы. – Если ты не воспринимаешь ее всерьез, то и другие не будут». В последний раз, когда Сана восприняла себя всерьез, ей пришлось бросить учебу, так что, возможно, мама не вполне понимает, о чем говорит.

– Рассказываю о преступлениях, – торопливо добавляет Сана.

– Ага, и ты хочешь поговорить про человека, который умирать здесь, – Вера кивает и делает глоток из чашки. – А почему?

– Почему я хочу выпустить об этом эпизод? Наверное, потому что мертвый человек в чайном магазине – это как-то подозрительно, разве нет?

В самом деле? Сана понятия не имеет, но если речь заходит о Маршалле, дело не может не вызвать подозрений.

Вера пожимает плечами.

– Полиция так не думает. Они говорят, не похоже, что это убийство.

Не похоже, что это убийство. Сана кивает, стараясь сохранить безучастное выражение.

– Эм... вы могли бы рассказать, что вам известно об этом деле?

– Я говорю тебе, нет никакого дела. Полиция не сомневается, что он перебрать наркотиков, завалиться в мой магазин и умереть.

– Ясно. – Маршалл принимал наркотики? Сана не уверена на этот счет, но в случае с Маршаллом ожидать можно чего угодно. – И все-таки. Мне нечасто выпадает возможность лично поговорить со свидетелем чего-то подобного. А мне нужен контент. Ну, то есть... не в том смысле... Простите, это прозвучало так жутко.

– Так ты думаешь, в его смерти что-то подозрительно?

Ей кажется, или глаза у Веры действительно лукаво сверкнули? Складывается ощущение, будто за словами этой женщины кроется нечто большее. Как бы там ни было, нужно ступать осторожнее.

– Я... не вполне уверена, – говорит Сана, тщательно подбирая слова, – но мне кажется, из этого получится хороший сюжет.

Вера откидывается на спинку, и ее брови, кажется, подлетают вверх.

– Хм, – протягивает она и поглаживает подбородок.

Создается ощущение, что все это ей ужасно нравится, хоть и не вполне понятно почему.

– Парень, который был тут до тебя, он из «Баззфид». Он тоже думает, что это хороший сюжет.

«Баззфид»? С чего бы им интересоваться смертью Маршалла? Разве у них есть раздел криминальной сводки? Нет, это вообще не их профиль.

– Интересно, почему столько людей думают, что это интересный сюжет? – задумчиво произносит Вера.

– Расскажите, что вам известно о человеке, который умер в вашем магазине? – напоминает Сана.

Чем дальше Вера уходит от темы и чем больше размышляет вслух, тем сильнее заставляет нервничать Сану. Нет сомнений, что хозяйке магазина что-то известно. Она как будто знает, что Сана что-то скрывает. В то же время Сана чув-

ствует, что сама Вера не желает делиться ценными сведениями.

– Что ж, я находить его утром, когда идти на прогулку.

– Как долго он пролежал здесь, прежде чем вы обнаружили его? В какое время вы его обнаружили?

– В пять утра. Я всегда рано встаю. А ты во сколько просыпаешься? – Вера щурится в ожидании ответа.

– Эм... рано. Значит, он пришел сюда в промежутке?..

– Что ж, я рано подниматься к себе, примерно в четыре часа. Спать не ложусь до восьми или девяти часов. Наверное, он приходит сюда потом, иначе я бы услышала.

Сану бросает в жар. Восемь или девять. Спустя всего несколько часов с момента их последней встречи. Ужас подкатывает к самому горлу, и Сану едва не выворачивает. Она заставляет себя сделать глоток горячего чая.

– А что он... на что это было похоже? Вы видели выражение его лица?

По лицу Веры пролегает тень.

– Ох, да. Очень несчастный. Такой потрясенный, такой ужас на лице.

Ужас становится непереносимым. Он был потрясен, напуган. Можно ли винить его в этом? Сану обдает волной ненависти к себе. Маршалл был сраным ублюдком, нельзя этого отрицать, но она не собиралась...

– Поэтому, – Вера заговорщически подается вперед, – лично я думаю, что его убили.

Она произносит это так запросто, что смысл сказанного доходит до Саны с задержкой. А когда это наконец происходит, у нее перехватывает дыхание. Она знает. Вера знает.

Вера переводит взгляд с лица Саны на ее руки и хмурит брови.

– Ох, милая, у тебя очень плохие ногти.

– Что? – Сана смотрит на свои ногти, обгрызенные до мяса, и в ужасе сжимает ладони в кулаки. Впрочем, какой смысл? Слишком поздно. Вера увидела ее ногти. Теперь-то она точно сложит два и два? По всей видимости, Вера из тех, от кого мало что ускользает.

Вера вдруг произносит:

– Кто это там? – И встает так поспешно, что стул, на котором она сидела, с грохотом опрокидывается, и они обе подпрыгивают.

Сердце едва не выскакивает у Саны из груди. Она оборачивается и замечает сквозь пыльные окна женщину с ребенком на руках. Вера уже направляется к двери, но успевает сделать лишь пару шагов, как женщина разворачивается и быстро уходит.

– Эй! – кричит Вера. – Вернись! Я вижу тебя!

Сана бросается к двери и наблюдает за поспешным бегством женщины. Даже с ребенком на руках незнакомка шагает на удивление прытко, и вот она уже на углу дома. Сана хочет догнать ее, но это выглядело бы слишком подозрительно. А после того, что произошло у них с Маршаллом,

это нужно ей меньше всего.

Вера, не скованная подобными сомнениями, уже семенит вслед за незнакомкой. «Это шанс», – думает Сана и возвращается в магазин. Смотрит вокруг, на жуткий контур мертвого тела, затем на шкаф с бесчисленными ящичками. Сана понятия не имеет, что в них обнаружит, и даже не знает, что она вообще ищет, но, возможно, Маршалл оставил нечто такое, что послужило бы ей доказательством. Она подходит к внушительной стене с ящичками, делает глубокий вдох, после чего выдвигает один из них. В воздух поднимается пыль, и Сана откашливается. Внутри лежит диковинный корешок, серый и сморщенный.

– Это кордицепс.

Сана подскакивает и быстро задвигает ящик. Вера успела вернуться. Она чуть запыхалась после погони за женщиной, глаза смотрят пристально, но во взгляде нет осуждения, хоть Сана и попалась с поличным – скорее любопытство.

– Простите! – произносит Сана. – Мне просто стало так любопытно.

– Немного любопытства не вредит, – говорит Вера и добавляет с искоркой в глазах: – Только не забывать поговорку про любопытство и нос.

После такого Сана не может оставаться здесь ни секунды дольше. Торопливо продиктовав свой номер на случай, если Вера что-нибудь вспомнит, она спешит прочь из магазина, поворачивает за угол дома и только там дает волю слезам.

7

Вера

Нельзя обвинить Веру в тщеславии. Нет, у Веры много качеств, но тщеславие не в их числе. Но даже она вынуждена признать, что первый день расследования превзошел всякие ожидания. И, как у всякой китайской тетушки, у Веры за плечами много лет практики в предъявлении завышенных ожиданий. В самом деле, даже полиции придется признать, что она практически распутала за них это дело. Еще не подошло время вечернего чая, а у нее уже трое подозреваемых.

«Превосходная работа, Вера, просто изумительно», – подбадривает она себя, заваривая чай из унаби и ягод годжи.

Когда чай готов, Вера со вздохом удовлетворения устраивается на своем стуле и берет в руки блокнот. Достает шариковую ручку с пером в полмиллиметра и делает записи каллиграфически выверенным почерком.

Дело об убийстве. Ведет: Вера Вонг

Подозреваемый 1: Рики Герванто

– Слишком красивый для репортера

– Говорит, что из поколения Z, но выглядит как миллениал. Совершение убийства старит, и, может, он выглядит старше, потому что его мучает чувство вины?

Подозреваемый 2: Сана Сингх

– У нее пот-каста, но она говорит, что это не сыпь

– Ногти очень обгрызены. Почему? Чтобы никто не понял, что она царапала Маршалла?

Подозреваемый 3: Белая дама с ребенком

– Бежит очень быстро с ребенком на руках, наверное, очень сильная, достаточно сильная, чтобы убить Маршалла

– И зачем убегать от моего магазина? Очень подозрительно!

Улики: флешка → что внутри?

Вера берет свои вещи и поднимается наверх. Усаживает-ся за кухонный стол и звонит Тилли. Против обыкновения, Тилли отвечает на звонок.

– Ма, я работаю, – ворчит он.

Вера слышит шум голосов на фоне – такие куцые, деловые фразы – и удовлетворенно кивает. Она правильно воспитала сына, только послушайте, какой он, среди всех этих занятых людей. Вера ценит его время и потому переходит сразу к делу.

– Тилли, у меня очень важное дело. Если наткнуться на мертвое тело и у него в руке флешка, то как ее разблокировать?

– Что? Я... Чего? Ма, это... это за то, что я не пришел на ужин в прошлое воскресенье?

– И в позапрошрое воскресенье, и в воскресенье перед этим, но нет, дело не в этом. Хотя я готовлю твой любимый тушеный трепанг, стою на кухне три часа, но не бери в голову. Лучше скажи мне, как открыть флешку?

– Чт... – Тилли замолкает, а потом издает сердитый вздох. – Флешка в руке мертвого тела? Я даже не... Почему ты спрашиваешь?

– Ох, просто я вчера находить мертвое тело в магазине, ну разве не любопытно?

Несколько секунд в трубке царит тишина.

– В смысле, настоящий труп?

– Да, это мужчина, его имя Маршалл Чен. Мне кажется, дурацкое имя, не так благородно, как Тилберт, правда? Зачем называть сына Маршаллом, как будто он из полиции?

– Ма... – Тилли снова делает глубокий выдох. – Ты звала копов?

– Само собой! Вызывать их сразу, как только рисовать линию вокруг тела. Копы находят это очень любезным, – ладно, это преувеличение, но Тилли не обязательно знать все подробности.

– Ты... но... почему ты спрашиваешь, как разблокировать флешку мертвого парня?

– Ой, да просто любопытно, – это ведь прозвучало довольно буднично и невинно?

– Ма, – Тилли понижает голос. – Только не говори, что ты взяла флешку с мертвого тела.

Вера хранит молчание.

– И прошу, – вновь заговаривает Тилли, и в его голосе звучит тревога, – скажи, что ты не вставляла флешку в свой компьютер.

Вера бросает взгляд на экран ноутбука. Система просит ввести пароль, чтобы разблокировать флеш-накопитель.

– Потому что, – продолжает Тилли зловещим тоном, – на флешке может оказаться куча всякой заразы, вроде вирусов или шпионских программ и...

Вера быстро выдергивает флешку из разъема.

– Айя, конечно я не вставляю в свой компьютер, думаешь, я такая глупая?

– Хорошо. Но прежде всего, ма, у тебе вообще не должно быть никакой флешки. – Тилли снова вздыхает. – Ты должна передать ее полиции, поняла?

– Полиция не принимает дело всерьез. Говорят, это выглядит как несчастный случай.

– Может, потому что ты взяла улику с... боже, я так не могу. Мне нельзя говорить с тобой об этом на работе. Ма, ничего не делай сама, я перезвоню позже, окей?

– Окей, пей больше воды и...

Тилли сбрасывает прежде, чем Вера успевает напомнить ему, чтобы присмотрел себе девушку на работе. Секунду она смотрит в телефон, после чего отправляет сообщение:

И присмотри себе девушку на работе.

Когда с этим покончено, Вера вновь переключает внимание на флешку. «Кто бы мог подумать? Столько секретов в такой маленькой штучке», – размышляет она, постукивая пальцем по флешке. Технологии – благословение и проклятие. Вера открывает поясную сумку, прячет флешку во внутренний карман и застегивает молнию. Вот так, самое надежное место. Она спускается обратно в магазин, посмотреть, не выстроилась ли там очередь за ее всемирно известным чаем, но внизу, как обычно, никого.

С чувством вины Вера вспоминает, как утром к ней заходил Алекс и она быстренько выпроводила его, потому что ждала возвращения убийцы и не могла допустить, чтобы Алекс его спугнул. Что ж, теперь ей стоит загладить свою грубость.

Лучше всего, наверное, занести ему свой особый чай и, может, купить по пути пару корейских груш. На обратном пути она купит чуть больше продуктов, чтобы приготовить ему ужин, который занесет чуть позже. Да, отличный план.

Не проходит и десяти минут, как Вера закрывает магазин, поправляет козырек и с корзиной в руке идет по Вашингтон-стрит. В корзине один (1) мешочек чая Луо Хан Гуо с хризантемой, один (1) мешочек ягод годжи, сушеной апельсиновой корки и сушеной корки восковой тыквы и один (1) мешочек синего чая¹² с лавандой. По пути Вера заходит в лавку миссис Жао и покупает две корейские груши, две питайи и одну большую горькую тыкву. Довольная количеством питательных веществ и витаминов в своей корзине, она поднимается по холмистой дороге к дому Алекса.

Перед парадной дверью Вера собирается нажать на звонок с номером квартиры, но кто-то выходит на улицу, так что ей остается лишь подняться на третий этаж. Ни у кого здесь нет ни звонков, ни дверных молотков, так что Вера просто стучится в квартиру Алекса.

¹² Травяной чая из отвара или настоя лепестков или цветков клитории тройчатой.

– Кто там? – доносится его голос на мандаринском.

– Алекс, это я, Вера. Из чайного магазина.

– О!

За дверью слышатся торопливые шаги, щелкает замок, и вот перед Верой ее любимый покупатель.

– Ох, – вырывается у нее. – Алекс, ты выглядишь ужасно. – Она не из тех, кто врет из вежливости. В конце концов, прямота – лучшая политика. – Должно быть, это потому, что ты остался без моих чаев. Прости, что утром выставила тебя. Я знаю, тебе до смерти хотелось хорошего чая, но ты не поверишь, что случилось!

Алекс кивает.

– Да, Винифред рассказала мне, что в твоём магазине был мертвец. Мне так жаль, Вера.

В его голосе столько сочувствия, что это не может не тронуть. Вот настоящий джентльмен, думает Вера.

– Должно быть, это ужасно. Я заходил проведать тебя, но тебе как будто хотелось поскорее избавиться от меня...

– Ох, моя ошибка! Я так тебя торопила, так грубо с моей стороны. Видишь ли, мне казалось, что мертвый человек, которого я обнаружила в магазине, был на самом деле убит, и у меня был план, как вычислить убийцу. Поэтому я не хотела, чтобы ты слонялся рядом с магазином, потому как это слишком опасно, – со всем драматизмом произносит Вера.

Алекс таращится на нее, явно ошеломленный этим заявлением.

– Почему ты решила, что это убийство?

– Не бери в голову, Алекс, у тебя и так столько забот. Я не хочу беспокоить тебя, уход за Лили и так отнимает у тебя много сил. Да, и я не могу задержаться, ведь нужно еще распутать убийство. Лучше не показывайся у меня в ближайшие дни, пока я не разоблачу преступника. Незачем подвергать себя опасности. Но не волнуйся, я буду время от времени заносить тебе чай.

Она отдает Алексу корзину с фруктами и чаем и желает всего наилучшего.

– Спасибо тебе, Вера.

Вера готова поклясться, что Алекс немного прослезился. Она расскажет об этом Тилли: о том, как покупатель был настолько благодарен ей за чай, что даже прослезился. Не то чтобы Тилли поверит ей. Вера выходит на улицу, и сердце как будто не помещается в груди. Так приятно совершать добрые поступки. Только представить, как она почувствует себя, когда раскроет преступление.

Легкой походкой Вера возвращается к себе. Она так увлечена видами вокруг, что не сразу замечает незнакомца возле своего магазина, а когда наконец замечает, у нее на миг замирает сердце. Оно и впрямь пропускает один удар, кровь застывает в жилах, ноги отказываются идти, а руки наливаются свинцом. Не будет преувеличением сказать, что для Веры это крупнейшее потрясение за всю ее жизнь. Такого потрясения Вера не испытала, даже когда обнаружила труп у

себя в магазине. Из богатого жизненного опыта она знает, что мертвые тела нечасто можно увидеть в чайном магазине, но такая вероятность существует физически. А то, что она видит сейчас – за гранью возможного. Потому что перед «Всемирно известным чайным магазином Веры Ванг» стоит тот самый человек, которого Вера днем ранее обнаружила мертвым.

8

Оливер

Первая мысль, которая прошивает сознание Оливера: «О, нет. У меня совсем недавно умер брат, а я сейчас убью эту несчастную женщину».

Действительно, женщина стоит в нескольких шагах от него, и, кажется, у нее вот-вот случится инфаркт или лопнет аневризма в мозгу, или что там происходит, когда пожилой человек переживает потрясение.

Оливер поспешно вскидывает руки, стараясь при этом не

напугать женщину еще сильнее.

– Не волнуйтесь, я не он! Я его брат! Брат-близнец.

В глазах женщины появляется проблеск осознания. Отвисшая челюсть захлопывается и снова приоткрывается. Женщина издает «Ох», делает шаг вперед и беззастенчиво разглядывает его лицо.

– Ах, ты точь-в-точь как он.

– Да. И в этом неприглядная сторона жизни близнецов.

Вообще-то неприглядная сторона жизни близнецов заключается в том, что разница между ними составляет минуту, и Оливер ощутил на себе каждую секунду этой разницы, оказавшись вторым по всем показателям. Он на дюйм ниже Маршалла, его глаза на оттенок бледнее, а подбородок чуть менее волевой. В школе Оливер был известен как Недомаршалл.

– Айя, – женщина тычет в него пальцем. – У меня чуть инфаркт не случился!

– Мне жаль.

Это действительно так. Несмотря на выставленный на него палец, женщина кажется милой, и умри она, Оливер искренне расстроился бы.

– Я Вера, владелица «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг», – она произносит это с таким апломбом, словно говорит: *«Я королева Англии»*.

Очевидно, это должно произвести на него впечатление, поэтому Оливер кивает и вскидывает брови.

– Здорово. Я слышал, здесь мой брат... ну...

– О, да, внутри. Хочешь посмотреть на контур его тела? Хм, или это слишком тебя расстроит? Ну, не бери в голову, если ты расстроишься, у меня есть для тебя чай. Заходи. Как уж тебя зовут? Дай угадаю, тоже что-нибудь на «М»? Майкл? Марк? Моррис?

Она с таким азартом перечисляет имена на «М», что Оливеру даже становится неудобно, что его зовут не Майкл или Моррис. Но разве не в этом его вечная проблема? Вечный человекоугодник или, как называл его Маршалл в старшей школе, «подлиза», или «неудачник», или «безнадежный позорник». Маршалл выдумывал для него еще множество прозвищ, большинство из которых включали в себя известные части тела, но Оливер предпочитает не вспоминать об этом. Все в порядке. Если не думать чересчур много о Маршалле.

И все-таки, почему он здесь, если не хочет думать о Маршалле? Когда же Вера отпирает дверь и жестом приглашает его войти, Оливер с удивлением обнаруживает, что ноги его не слушаются. Он заставляет себя сделать шаг, затем еще один. Вдох, выдох. И вот наконец он внутри.

Конечно, Оливер видел контур тела с улицы, но стекла такие пыльные, что запросто можно было представить, что контур – всего лишь причудливая игра теней. Но теперь он видит четкие линии, и внезапно приходит осознание, что Маршалл мертв. Здесь Маршалл встретил смерть. Какие мысли посещали его в последние мгновения жизни?

Думал ли он о нем, Оливере? Винил ли его? Скорее всего. Это Оливер виноват, всегда и во всем виноват Оливер.

Так повелось с тех пор, как их мама умерла, готовя любимый десерт Оливера. Им было по шесть лет. Оливер обожал ледяную стружку и попросил маму сделать немного, а он был ее любимчиком, и, конечно же, мама согласилась. Оливер с Маршаллом находились в гостиной и играли в «Кто громче пукнет», как вдруг с кухни донесся грохот. Оба бросились туда. Мама лежала на полу, и вокруг ее головы растекалась лужа крови. От мороженицы повсюду набрызгало водой, из-за чего мама поскользнулась и ударилась головой об угол стола. Отец и Маршалл винули Оливера в ее смерти. Он сам винил себя. Но они завели привычку также винить его во всем прочем, и Оливер не знал, как справляться с этим наряду с собственной скорбью и чувством вины. Поэтому он сделал единственное, что мог: взял на себя всю вину, стараясь быть как можно меньше и незаметнее. Это срабатывало с отцом, к тому же тот по большей части и так делал вид, будто Оливера не существует, но от Маршалла невозможно было скрыться. Брат щипал его, а затем, не получая отпор, принимался бить, сначала в плечо, потом по туловищу, и наконец по голове, так что Оливер сворачивался в клубок, мечтая умереть.

Вот только теперь он стоит и смотрит на очертания тела Маршалла, а не наоборот. Так быть не должно. Что скажет отец? Прежде всего, решит, что в этом виноват Оливер, поскольку так издавна повелось в их семье. Однако в этот раз

он будет прав. Это вина Оливера.

– Сядь, – произносит Вера так громко и внезапно, что Оливер подскакивает.

Ноги срабатывают в обход мозга, и он садится прежде, чем успевает осознать это.

Вера ставит перед ним деревянный поднос и наливает ему чая. Оливер улавливает сладостный аромат цветов и молока, и слезы щиплют ему глаза. Едва ли он помнит, как пахла его мама, но аромат каким-то образом воскрешает ее в памяти.

– Это Хуаншань Маофэн, – говорит Вера, пододвигая к нему крошечную чашку. – Пробуй.

Он пробует, и вкус возносит его напрямик к маме, и нет больше сил сдерживать слезы. Вери как будто нисколько не смущает, что незнакомый человек сидит перед ней и плачет. Она протягивает ему салфетку, кажется, очень довольная происходящим.

– Это правильная реакция на чай. – Она делает глоток. – Очень редкий чай, все мои чаи редкие, и когда его рвут, сборщики плачут, потому что аромат такой прекрасный, напоминает им о небесных садах.

– Правда? – Оливер шмыгает и пытается совладать с чувствами.

Вера пожимает плечами.

– Не знаю, я так придумать. Американцы любят, когда я рассказываю им истории про каждый сорт чая. – Она продолжает с явным, нарочито выраженным акцентом: – Этот

чай из провинции Фуцзянь, его стережет золотой дракон, па-
рящий над полями. – Она приподнимает бровь. – Видишь?
Убедительно, а?

Оливер кивает и слабо улыбается.

– Теперь расскажи, зачем ты здесь.

Это сказано таким властным тоном, что Оливер не смог бы отказать, даже если бы попытался. Не то чтобы он хотел этого, потому что есть в ее манере нечто располагающее, дарящее чувство уюта. Возможно, дело в исходящей от нее ауре материнской заботы.

– Я хотел посмотреть на место, где мой брат провел свои последние минуты, – произносит он хрипло.

Вера наливает еще одну чашку и пододвигает к нему.

– Какой он, твой брат?

Оливер делает глубокий вдох. Следует сказать что-то хорошее. Нельзя говорить плохо о мертвых, это всем известно. Нужно сказать, что Маршалл был добрым человеком, из тех, кто делает окружающих счастливыми. Сказать, что смерть Маршалла – это ужасная потеря для всех, кто знал его. Фразы уже складываются в сознании, но, когда Оливер раскрывает рот, с языка слетает:

– Мой брат был, наверное, самым харизматичным из всех, кого я встречал, но при этом и самым жестоким. Ему нравилось унижать других, он всем вокруг давал понять, что он лучше, чем они. И его излюбленной мишенью в этом был я. Он давал понять и мне, и всем окружающим, что из нас дво-

их я худший вариант. Я ненавидел его.

У Оливера дрожит голос. Какого черта он рассказывает ей все это? С тем же успехом он мог бы сказать, что виноват в смерти брата, и подставить руки для наручников. Не то чтобы у нее имелись наручники. Бога ради, это маленькая престарелая женщина, торгующая чаем.

Он ждет, что Вера придет в ужас от его токсических признаний, но она глубокомысленно кивает и отпивает чай.

– Ох, да, я думаю, этот человек нехороший. Поэтому он убит.

Холодок пробегает по спине Оливера.

– Уб-бит? – Он замечает, к своему ужасу, что рука начинает дрожать, и спешно ставит чашку, пока это не стало слишком заметно. – Как... в полиции ничего такого не говорили.

Вера на удивление громко фыркает и отмахивается.

– Полиция. Что они вообще знают? Даже не берут отпечаток пальцев. Совсем не такие, как по телевизору, со всеми своими штуками, о нет, только приходят, смотрят вокруг, задают мне вопрос, потом зовут судмедэксперта. Я думала, ага, этот судмедэксперт знает, что и как, а он приходит, забирает тело и уходит. Конец истории. – Она подается вперед, в упор глядя на Оливера. – Нет, если хочешь разгадать тайну смерти твоего брата, мы должны делать это сами.

– Эм... Я не... Уверен, существует некий протокол для таких случаев, и полиция наверняка делает все необходимое, чтобы раскрыть дело и убедиться, что все соответствует за-

кону.

По правде говоря, Оливер надеется, что Вера права и полиция действует настолько неумело.

– А как ты думаешь, что произошло? – Вера смотрит на него с прищуром, и недоверие исходит от нее осязаемой волной. Она даже не пытается скрыть, что причисляет его к главным подозреваемым.

Оливер буквально чувствует, как его поры расширяются и высвобождают пот.

– Пока ничего определенного, мы еще ждем заключение судмедэксперта, но есть предположение, что это аллергическая реакция.

Вера сощуривает глаза еще плотнее, так что веки почти смыкаются. Не вполне ясно, как она до сих пор видит.

– Аллергия на что?

Оливер качает головой.

– Да в общем-то, много на что. Пчелиный яд, арахис, миндаль, птичий пух... Как-то раз мама купила с рук одеяло на гусином пуху, и я помню, как она радовалась, ведь они обычно такие дорогие...

Вера кивает.

– Ах, какая находка. Твоя мама хорошая женщина.

– Лучшая, – Оливер тускло улыбается. – В общем, в то время мы с Маршаллом еще спали в одной кровати, и, помню, в ту ночь я услышал странный звук. Как будто кто-то пытается дышать сквозь тонкую соломинку. Это было ужасно.

Я проснулся и попытался разбудить его, но Маршалл только и делал что издавал этот свист. Тогда я принялся вопить и плакать, и в комнату прибежали родители, дали ему ингалятор, а потом его пришлось срочно везти в больницу. У него отекло лицо, а руки... – Оливер содрогается. – Его пальцы стали как сосиски, красные и распухшие, кожа так натянулась. Я думал, они лопнут. Потом у него еще долго была сыпь, даже после того, как отек спал.

– Хм, – Вера потирает подбородок. – Интересно. Что ж, это все очень ценно, Оливер. Благодарю. У меня уже целый список подозреваемых.

– Что?

– Пока ничего конкретного, чтобы показать, но... – Она ерзает на стуле и достает телефон. – Ты запишешь сюда свой номер, и я позвоню, когда найду убийцу.

– Эм... – Оливер пытается придумать тысячу причин сказать «нет», но ловит на себе добрый и вместе с тем острый как бритва взгляд Веры и понимает, что любая отговорка будет тщетной.

Поэтому он записывает номер, без конца задаваясь вопросом, какого черта притащился сюда. У него появляется чувство, что он еще долго будет с сожалением вспоминать ту минуту, когда вошел во «Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг».

9

Рики

После второго пропущенного звонка телефон переключается с беззвучного режима и начинает трезвонить. Звук пререзает сон, полный кошмаров, где Ади кричит: «Какак¹³, когда ты забереешь меня в Америку? Почему ты меня бросил?» – и Рики просыпается в поту, сердце бешено колотится, во рту сухость. Он шарит по тумбочке в поисках телефо-

¹³ Старший брат или сестра (индонез.).

на, выдергивает зарядку.

– Ади? Что случилось?

Но вместо Ади отвечает женский голос:

– Рики? Ты еще спишь?

Рики сонно моргает в попытке проснуться.

– Кто это?

– Это Вера.

Нет, имя не...

Ох, точно, Вера. Маленькая пожилая дама из чайного магазина. Почему она звонит ему в... Рики смотрит на часы. Какого черта? Еще только 7.32. Что-то здесь не так. Сердце вновь переходит на ускоренный режим, сознание работает с отставанием. Если она звонит, значит, что-то явно идет не так.

– Вера, что случилось?

– Ну, я проверяю «Баззфид» и не могу найти твою статью! И я думать, ах, раз уж статья пока не появляется, может, у меня есть время сказать тебе важные детали, чтобы добавить в твою заметку?

Мгновение Рики пытается сообразить, о чем говорит Вера. «Баззфид»? Ох, точно. Вчера он по глупости ляпнул, что работает в «Баззфид». Боже. Рики растирает лоб. И зачем он это сказал?

– Ну... да, – мямлит он.

– Вот, например, не забудь написать адрес моего магазина. Важно, чтобы люди знали, где меня искать, ага? А еще

вчера ты не фотографировал меня. Забыл? Я сегодня делать еще больше макияжа, и у меня чудесная прическа, так что придешь и сфотографируешь меня и мой чай, окей? Я читать, что статьи, где есть много фотографий, выходят лучше всего. Репортерам ведь полагается бонус, если твоя статья вирусная, так?

Репортерам назначают бонусы по количеству репостов? Рики понятия не имеет, но это выглядит вполне логично. Он кивает, но потом соображает, что Вера его не видит, и говорит:

– Да?..

– Вот и хорошо. Приходи, фотографируй меня и контур на полу, это тоже хорошо для статьи.

– Эм, сейчас? Еще восьми нет. – Рики лег в два ночи, и ему не помешало бы поспать еще часов пять.

– Айя, утренний свет лучше всего для фотографа, разве ты не знаешь? Неудивительно, что твои статьи никто не читает. Подъем, молодежь. Не проспай свою молодость. Принимай душ и приходи завтракать, будь хорошим мальчиком.

На этом Вера сбрасывает звонок, а Рики таращится в телефон, раздумывая, действительно ли она ему звонила, или это был очередной кошмар.

Он снова ложится, и, едва голова касается подушки, в памяти вспыхивает образ.

«Слушай, ты, грязный кусок дерьма. Заплати мне, Маршалл, или я прикончу тебя, клянусь».

Звериная ярость в собственном голосе столь осязаема, что слова как будто обретают плоть. *«Я прикончу тебя, клянусь»*.

Рики резко садится. Судорожно выдыхает и растирает лицо, пытаясь прогнать видение. Прежде он никогда не терял самообладания. Никогда, ни разу в жизни, даже в переходном возрасте, когда Ади выводил его из себя. Даже когда застал соседа по комнате в постели со своей девушкой. Но Маршалл дотянулся до самых глубин его подсознания и запустил реакцию «бей или беги», так что Рики испугался собственной злобы. И вот Маршалл мертв. Зачем он, Рики, вообще притащился в магазин Веры? Если уж на то пошло, следовало идти к Маршаллу домой или в офис и там искать то, что он ищет все это время. Но нет, он поперся во «Всемирно известный чайный магазин Веры Ванг» и в итоге вынужден снова идти туда и прикидываться репортером.

Мысль, что он заставляет Веру ждать, странным образом приводит его в ужас, поэтому Рики наперекор инстинктам встает и принимает холодный душ в надежде привести разум в рабочее состояние. Одеваясь, он замечает, что пальцы немного дрожат, и путается в пуговицах рубашки. «Тебе не о чем беспокоиться, — напоминает он себе. — Ты ничего не сделал. Вообще ничего».

Еще в Индонезии родители научили его, что нельзя появляться в гостях без подарка, поэтому по пути Рики заходит в кондитерскую лавку рядом с магазином Веры. Он понятия не имеет, что ей понравится, поэтому на всякий случай покупает разных булочек, сладких и острых. Хозяйке кондитерской, милой пожилой даме, он сообщает, что любит французскую еду, и, кажется, это доставляет ей огромное удовольствие.

Когда Рики входит в чайный магазин, Вера даже не смотрит на него и продолжает изучать банки чая и сушеных фруктов на стойке.

– Ага, наконец-то. Я делать для тебя особенный чай, – она поднимает глаза и, к замешательству Рики, хмурится при виде пакета в его руке. – Это...

– Эм, я принес булочек из французской пекарни по соседству. Подумал, может, вам...

– Ха! – Вера фыркает. – Французская пекарня? Это китайская пекарня.

– О, эм... Рики смотрит на бумажный пакет, на котором написано: «ФРАНЦУЗСКАЯ ПЕКАРНЯ ВИНИФРЕД. DÉLICIEUX TOUS LES JOURS». – Я не знаю китайского, – признается он, – но кажется, это французский?

– Ха! – повторяет Вера.

Кажется, она злится еще больше, и Рики не понимает по-

чему. Вера выходит из-за стойки и шагает к нему. Он с трудом подавляет желание бросить пакет и сбежать. Это все равно что смотреть, как на тебя несется, обнажив свои маленькие клыки, разъяренный джек-рассел-терьер. Вера выхватывает у него пакет – Рики даже не думает оказывать сопротивление – и наугад достает булочку. На целлофановой обертке наклейка с надписью PETIT PAIN À LA CRÈME.

–Ха!

«Эти «ха» несут какой-то смысл?» – думает Рики, но держит рот на замке. Складывается впечатление, что он стал свидетелем давней вражды, а у него хватает старшей родни в Индонезии, чтобы знать, что в таких случаях лучше всего заткнуться и мечтать найти волшебный способ делаться невидимым.

– Petit pain à la crème! – язвительно произносит Вера. – Это булочка с кремом!

– Да... наверное, так оно и звучит по-французски? – подает голос Рики.

– Могу спорить, что так и есть. Могу спорить, глупая старушка просто смотрит в гугл-переводчик и меняет все названия на французский. – Вера запускает руку в пакет и достает еще одну булочку. – Brioche aux oeufs sales, – снова фыркает, но все-таки разворачивает булочку и разламывает ее пополам, после чего объявляет: – Так я и думать. Булочка с кремом из соленого желтка. – Кажется, она готова разразиться новой тирадой, но принюхивается, а затем откусывает

небольшой кусочек. – Хм-м, – задумчиво жует. – Маловато соленого желтка. На всем экономит эта жадина. Ну, раз ты уже покупать это, пожалуй, мы будем есть, нечего бросать еду. Сядь.

Рики подчиняется, в изрядном смятении, и, пока достает из пакета все остальное, Вера приносит несколько тарелок. Он послушно раскладывает на них булочки, наклейкой вниз, чтобы французские названия не маячили перед глазами.

– Итак, – Вера садится напротив и разливает чай, – почему так долго? Пока молодой, двигайся быстро, хватай мир за причиндалы и так далее.

– Эм...

С чего бы его должно смущать слово «причиндалы»? Вера явно из тех, кто говорит что вздумается и когда вздумается. Но сейчас половина девятого, Рики еще толком не проснулся и совершенно не готов к словам вроде «причиндалы» из уст необузданной пожилой женщины. Он медленно отпивает чай, чтобы потянуть время, но приходит в еще большее смятение, потому что, черт подери, чай такой вкусный. С горечью, но при этом на удивление освежающий, будто оmyвает его изнутри чистотой, оставляя за собой сладкое послевкусие. Рики берет наугад булочку и надкусывает ее, рот тут же наполняет пряно-сладкий крем из соленого яичного желтка. В сочетании с горечью чая это так согревает, что все мышцы расслабляются от единственного укуса.

– Что, и впрямь так вкусно? – Вера надкусывает вторую

половину булочки. Снова принимается и сама отвечает на свой вопрос: – Ну, недурно. Так вот, почему моя статья так долго не выходит?

– Ну, я... Эм, мне нужно отшлифовать текст, потом переслать редактору и, ну... ждать, пока она... все отредактирует? А потом... – Рики понятия не имеет, что еще включает в себя подготовка статьи в «Баззфид», но истово молится, чтобы препятствий на пути к публикации было как можно больше.

Вера качает головой.

– Ох, я и не думать, что все настолько плохо. Ну и ну, вам, молодым людям, хочется все и побыстрее, но, когда доходит до работы, вы только возитесь.

Упоминание о работе тяготит Рики. Потому что Вера ошибается. Насколько ему известно, каждый «молодой человек», включая его самого, хочет быть продуктивным, наиболее эффективным на своем рабочем месте. Нестись вверх по карьерной лестнице. И в особенности Рики, потому что речь не только о его будущем, но также о будущем Ади. Ади, который в свои двенадцать лет знает куда больше своего старшего брата.

Звон колокольчика над входной дверью прерывает его раздумья. Вера оживляется.

– Ах, – восклицает она, – как раз вовремя. Позволь представить тебя моему второму подозреваемому.

10

Сана

Сана сыта по горло напористыми азиатскими женщинами, с нее хватит. Каждое утро она твердит себе, что именно сегодня даст маме отпор. У нее даже написана целая речь, затем переписана, перечеркнута, снова переписана и так далее. Несколько раз Сана репетировала перед зеркалом, отрабатывая тот идеальный тон на грани самоуверенности и почтения. Ночами, лежа в постели, она представляет, на что это будет похоже, когда ей наконец-то хватит смелости произне-

сти свою речь. Но всякий раз на следующий день ей звонит мама, и слова застревают у Саны в горле, как пастилка от кашля.

И вот, откуда ни возьмись, возникает Вера, совершенно посторонняя, лет на десять старше матери, и воплощает собой образ напористой азиатской тетушки, каких Сане пришлось терпеть всю свою жизнь. Что ж, Сана попрактикуется на Вере. Да, это хороший план. Если получится дать отпор Вере, значит, получится отстоять себя и перед мамой. Всю дорогу до чайного магазина Сана проговаривает все, что собирается сказать.

«Вера, как вы можете звонить мне в семь утра и говорить, чтобы я «привела себя в божеский вид»? Это недопустимо. Вы не моя мать, и, даже если бы ею были, я бы попросила обращаться со мной как со взрослой. Потому что я и есть взрослая».

Нет, слишком пространно.

«Вера, я заблокирую ваш номер, потому что вы переходите все границы».

Да, отлично. Вера спросит, что за границы такие, и Сана терпеливо ей все объяснит.

Но, когда Сана переступает порог «Всемирно известного чайного магазина Веры Ванг», первое, что она видит, – это чересчур привлекательный парень, с которым она столкнулась накануне. Затем, прежде чем Сана успевает опомниться, на нее уже насаждает Вера.

– Ах, Сана! Входи, входи! Сядь вот сюда, рядом с Рики.

Вот она уже цепкой хваткой держит Сану за запястье и ведет к стулу по соседству с Рики.

Рики, в свою очередь, всем своим видом напоминает похищенного ребенка. Глаза широко раскрыты, рот чуть приоткрыт, как будто он хочет о чем-то спросить, но до ужаса боится услышать ответ. Когда их взгляды пересекаются, Сана приподнимает брови с немой вопросом: *«Ты понимаешь, какого черта здесь происходит?»* Рики едва заметно качает головой. Этот немой диалог немного ее успокаивает. По крайней мере, Рики в не меньшем замешательстве.

– Рики, это Сана, – объявляет Вера, опускаясь на свой стул. – Сана, это Рики, еще один мой подозреваемый.

Сана вдруг чувствует, что ей тесно в собственной коже. Подозреваемый? Она сжимает и разжимает кулаки, гадая, как долго образцы ДНК сохраняются под ногтями.

На мгновение воцаряется молчание, а затем Рики прокашливается.

– Эм... вы уже несколько раз повторили это слово «подозреваемый». Не могли бы вы это прояснить?

– О, конечно, – бодро отвечает Вера, наливая Сане чашку чая. – Вы два из моих подозреваемых. Подозреваемых в убийстве Маршалла, – добавляет она на всякий случай.

– Ка... – вопрос застревает у Саны в горле, и пока она пытается вновь обрести дар речи, Вера протягивает ей чашку. Годы муштры в общении со старшими напоминают о себе, и

Сана машинально выдает: – Благодарю, тетушка.

В следующий миг ей, конечно, хочется пнуть себя, потому что, во-первых, Вера ей не тетушка, а во-вторых, даже будь оно так, эта тетушка подозревает ее в убийстве.

– Ой, какая ты любезная! – Вера улыбается, но затем смотрит на ее руки, и улыбка меркнет. – Ах, у тебя все руки заляпаны краской. Надо мыть лучше, краска вредная для кожи. Вот почему они у тебя такие сухие.

Сана убирает руки со стола, щеки горят от стыда.

– Да, это... я просто, эм, красила комнату.

«Ха, – раздается тонкий голосок в голове. – *Ты хочешь, чтобы так оно было*». В действительности Сана лишь замешала краски, и только затем, чтобы простоять битый час перед чистым полотном, пока краска не начала стекать по кисточке ей на руку, по предплечью и до самого локтя, после чего Сана отшвырнула кисточку и выбежала из комнаты. Старая песня.

– Сколько тебе уже лет, Сана? В каком году ты родиться?

Сана отвечает, и Вера задумчиво хмурит лоб. Через пару секунд она цокает и качает головой.

– А, ты Дракон. Не подойдешь моему сыну. Я думать, если ты не убийца, конечно, что надо познакомить тебя с моим сыном, только он Бык, так что не подойдет. Дракон съест Быка. – Она поворачивается к Рики: – А ты? Какой твой знак?

– Эм, Крыса, – сконфуженно отвечает Рики.

– О! – Вера хлопает в ладоши, и лицо ее расплывается

в улыбке. – Чудесно! Идеальное сочетание, вы два! Так я и знала. Из вас получится хорошая пара, я знаю. Если никто из вас не убивать Маршалла, это подарок с небес. Какая удача!

Сана и Рики смотрят друг на друга, и единственное, что не дает Сане сгореть от смущения, – это такой же смущенный вид Рики. По крайней мере, она такая не одна. И вообще, какое это имеет значение? Уж если что-то и должно ее смутить, так это подозрение в убийстве. Но происходит столько всего и сразу и... ой, Вера сует ей прямо под нос булочку и велит есть. Сана машинально подчиняется и не успевает осознать, как рот уже набит слоеным тестом с таро, а Вера объясняет, почему это китайские булочки, а не французские, как могла бы подумать Сана. Самонадеянно со стороны Веры полагать, будто Сана думает о французских булочках, в то время как ее мозг издает бесконечное «Что-о-о?»

– Так вот, у Саны, – сообщает Вера, – пот-каста... знаю, ты можешь думать, что у нее очень плохая кожа, но на самом деле это как радио, только по Интернету. Очень хорошо, правда? Это как твоя работа, Рики, только на радио! Ну, не на радио, а по Интернету. – Она кивает, довольная своим пояснением, и переводит взгляд на Сану. – А Рики – репортер из «Баззфид»!

– Вау, – произносит Сана полным псевдофранцузской булочки ртом. – И правда впечатляет.

Рики трет щеку и смотрит в свою чашку. Ой, он такой же застенчивый, думает Сана с умилением. У нее сжимаются

внутренности при мысли, что Рики и Вера узнают о ней правду: что у нее нет ни подкаста, ни пот-касты и в действительности она ничем толком не занимается, если не считать провальных попыток посвятить себя единственному делу, в которое влюблена с того дня, когда в возрасте одного года окунула руку в банку с краской.

– Эм, – Рики прокашливается. – Вы сказали, мы оба подозреваемые? Можно спросить почему?

– Конечно, – Вера ставит чашку. – Не надо принимать близко к сердцу, окей? Ох уж вы, молодые, так близко все принимаете. Если я считаю тебя убийцей, что с того? Это не значит, что я считаю тебя плохим человеком.

– Хм. – Сана облизывает губы. – Разве нет?

Вера цокает языком.

– Что за чушь. Конечно нет.

– Но почему вы вообще нас подозреваете? – спрашивает Рики, теребя воротник.

– Много причин. – Вера оттопыривает большой палец. – Первое: все знают, что убийцы возвращаются на место преступления. Так? Им хочется полюбоваться на свою работу. Так что я знаю, мне остается только ждать и смотреть, кто появится. Вы двое появляться вчера, поэтому попадаете в мой список. Видите? Ничего личного.

– Вы сказали, много причин? – напоминает Сана, хоть и не уверена, что хочет знать остальные.

– Да, конечно. Окей, дамы вперед. Сана, где ты была в

ночь, когда был убит Маршалл?

У Саны взрывается мозг, и сознание заполняет ослепительно-белая вспышка с пронзительным воплем. «*Скажи что-нибудь*, – вопит внутренний голос. – *Что угодно!*» Но ничего не приходит на ум.

– Это глупо, – произносит Рики.

Сана смотрит на него, и сердце скачет, как затравленный кролик.

– Мы не знаем Маршалла, Вера. И уж точно мы не должны рассказывать вам, где были в ночь, когда он умер.

Он говорит это с таким уверенным видом. Это и есть умение дать отпор напористой азиатской тетушке? Сана под впечатлением и в ужасе одновременно.

– Для начала давайте разберемся, почему вы думаете, что Маршалл был убит.

Вера пожимает плечами, но смотрит так же пристально и настороженно.

– Ладно, не нужно говорить мне сейчас. Я выясню позже. Давайте смотреть, почему я считаю, что Маршалл убит. Что ж, очень похоже, что этот Маршалл очень плохой человек, такой, которого могли убить.

Сана готова поклясться, что ее внутренности превратились в змей и извиваются в животе. Тошнота подступает к горлу. Потому что Вера абсолютно права. Маршалл был очень плохим человеком, из тех, кто напрашивается на убийство. Так или иначе, нельзя показывать, что они с Маршал-

лом были знакомы лично, поэтому Сана усилием воли берет себя в руки и смотрит, как ей кажется, с выражением чистого любопытства.

– Да ну? Что вы такого выяснили о Маршалле? – И запоздало добавляет: – Я спрашиваю для своего подкаста, конечно же.

Вера подается вперед и произносит заговорщическим тоном:

– Я думаю, у этого Маршалла есть что-то, что хотят получить другие люди. Он что-то прячет, очень надежно.

Когда Сане было шесть, родители повезли их с сестрой на озеро Тахо, и она впервые увидела снег. Они с сестрой прыгали в сугробы, бросались снежками, визжали и веселились. Сана помнит, как сестра оттянула ей воротник и сунула пригоршню снега за шиворот, и то состояние, когда холод обжег спину. Сейчас у нее в точности такое же ощущение, будто кто-то сунул за шиворот пригоршню снега. Маршалл что-то прятал? Откуда Вера это знает?

Но, прежде чем Сана успевает что-то сказать, Вера внезапно хлопает в ладоши и встает.

– Окей, все выпили чай? Поднимитесь наверх и помогите мне кое-что спустить. Вы, молодые, посильнее меня. Идем! – рывкает она, потому что Сана и Рики сидят в недоумении.

Они оба синхронно встают и еще раз беспомощно переглядываются, после чего следуют за Верой по расшатанной лестнице. Стены увешаны картинами в старомодных, облуп-

ленных рамах, некоторые обкрошились по краям. На втором этаже, очевидно, располагаются жилые комнаты Веры. Тесное, сумрачное пространство под завязку завалено всевозможным хламом. Сана замечает стопки старых газет и журналов, заросшую паутиной швейную машинку, старую пишущую машинку без половины клавиш и коробки, вероятно, забитые таким же бесполезным мусором. Знакомая картина. В доме ее родителей девственно чисто, поскольку мама требует безукоризненного порядка для многочисленных интервью и видео, которые она снимает для своих фанатов. Но в детстве, к кому бы из своих друзей Сана ни приходила домой, особенно к тем, чьи семьи не так давно иммигрировали, ей часто доводилось видеть многочисленные потрепанные коробки, полные хлама. Памятные вещи с родины, слишком старые, чтобы пользоваться, слишком ценные, чтобы выбросить, и слишком тягостные, чтобы смотреть. Поэтому они бережно оставлены доживать свой век и напоминать о тех, кого нет рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.